

КРАСОТЫ СТЕРНА

или

собрание лучших его Платонических повѣстей и отличнѣйшихъ замѣтаній на жизнь

для

чувствительныхъ сердець.

Переводъ съ Аглинскаго.

МОСКВА

въ Сенатской Типографіи

у Селивановскаго.

1801.

КРАСОТЫ СТЕРНА,

ИЛИ

собрание лучшихъ его Папте-
ническихъ повѣстей, и ошли-
чнѣйшихъ замѣчаній на жизнь.

ДЛЯ

чувствительныхъ сердецъ.

Переводъ съ Англинскаго.

Съ портретомъ Сочинителя.

МОСКВА,
въ Сенатской Типографіи
у Селивановскаго,
1801.

Съ одобренія Московской Ценсуры.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ,
ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ,
ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ,
ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ,
Государю Всемилоостивѣйшему,
и пр. и пр. и пр.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ

ВЕЛИЧЕСТВО,

Всемилолюбивѣйшій Государь!

*Подлинникъ сихъ Красотъ
Сперна былъ поднесенъ Иосифу II
Римскому Императору, какъ
украшеніе Британской Литтера-
туры.*

*Я осмѣлился посвятить ихъ
чувствительной, теловѣколюбивой*

*душѣ ВАШЕГО ИМПЕРАТОР-
СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА какъ со-
кровище, достойное и другаго
ковтега Даріева, и другаго
АЛЕКСАНДРА.*

*Великій Монархъ! не по
изящности дарованій Автора,*

которые были бы все еще мало-
важны, чтобъ достигать высоты
Престола, но по чистотѣ серд-
ца, благоговѣющаго къ ВАМЪ,—
прѣимите сѣю малую жертву: —
мои Музы ни щастливы — ни
богаты; но я не желаю сокро-

вищѣ , а одного милостиваго ,
благосклоннаго ВАШЕГО взора.

Всемилоствѣйшій Государь!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА

Вѣрноподданный

Яковъ Галинковскій.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Въ Англіи всѣ знаютъ *Стерна* — всѣ удивляющіяся его *характеристикѣ* — сему особливому нѣкопорому роду изображать малѣйшія движенія сердца въ обращеніи, въ домашнемъ быту — сей неподражаемой, непришворной *чувствительности*, любви къ человѣчеству — сей *волшебной точкѣ зрѣнія*, изъ копорой описываетъ онъ всѣ предметы. — *Спернъ* есть *диво* Англійскихъ *Юмористовъ* и образецъ въ своемъ родѣ для цѣлой Европы. Въ *литтературѣ* ученаго свѣта

были ему подражатели, на примѣрѣ: *дю Лати*, *Морицъ*, *Гете*, *Вернъ* — — но не было еще ровесниковъ. *Девизъ* его будетъ вѣчно: единственнѣйшій, неподражаемый. Онъ стоишь на ряду съ *Допемъ*, *Свифтомъ*, *Юмомъ*, *Томсономъ* и другими — какъ жени, какъ превосходный писатель; но какъ саншманшались*, какъ филантропъ (человѣколюбивый) — онъ первой, или лучше начальникъ своей секты. Извѣстное — хопя очень по неудачному переводу на Рускомъ *Сувствительное Путешествованіе*

* Саншманшальность значить: понкая. нѣжная и подлинная чувствительность.

шестіе — еспь по, что назы-
 вается образцовое швореніе во
 всѣхъ націяхъ; къ сожалѣнію,
 оно не докончено. Его *Трист-*
рамъ Шенди чрезвычайнѣ, на-
 полненѣ шутками, остроумію
 и веселымѣ духомѣ; но можетѣ
 бытъ мало сыщеть людей по
 своему вкусу. *Проповѣди* сама-
 го пламеннаго духа и краснорѣ-
 чія. Въ сихъ прехѣ произведе-
 ніяхъ пера нашего Автора за-
 ключаются всѣ его сочиненія;
 они составляютѣ въ лучшемѣ
 Лондонскомѣ изданіи десять
 томовѣ, извѣ коихъ нѣкто W.
 Н. Англійской ученой, выбралѣ
 лучшія піески и назвалѣ ихъ:
Красоты Стерна, и въ семѣ

IV

видѣ представляю ихъ знаменкамъ нашей словесности! — Переводъ сей сдѣланъ изъ 8 Лондонскаго изданія въ 1785 году. Одно число изданій заключишь можешъ параграфъ всей эпои похвалы о красотахъ Сперна. —

Желаю, чтобъ публикѣ нашей показались онѣ такъ же занимательны — желаю, чтобъ и тѣ, которые слишкомъ приспраспились проповѣдывать свою *чувствительность* при всякомъ кусточкѣ, при всякомъ ручайкѣ въ окруженствѣ нашего города — поучились у Сперна чувствовать съ большею подлинностію, глядя на

сцену свѣта не одними запла-
канными глазами, но изливая
свои чувствованія къ пользѣ
опчужденнаго суешами міра се-
го, *ближняго нашего*; — къ
возбужденію сей любви къ не-
му, соединяющей поль нѣж-
ными узами общесво, — на
которой оснѣвается земное
наше блаженство — и кото-
рая поль ясно изображена на
всѣхъ сихъ спраницахъ.

Для любопытства читате-
лей помѣщенъ портретъ со-
чинителя, гравированный съ
оригинала.

Прежде напечатанія сего пе-
ревода, я совѣщовался со мно-
гими знающими, искренними

VI

моими пріяшелями — пользо-
вался ихъ замѣчаніями, ихъ
крипикою — и еспьли нѣко-
шорые опривки, опдаванные
мною въ *Иппокрену*, заслужи-
ли одобреніе, по оное съ при-
знапельноспію опношу болѣ
кѣ ихъ совѣшамъ, нежели кѣ
моимъ способноспямъ. —

Отъ Переводтика.

ЖИЗНЬ СТЕРНА*.

Сочинитель сихъ собранныхъ отрывковъ превосходной жени ** родился въ Южной Ирландіи, въ городѣ Клонмелѣ Ноября 24 1713 года. Отецъ его былъ Поручикъ Гандесай-Дева полку и внукъ Др. Ричарда Стерна, Архіепископа Йоркскаго, которой умеръ въ 1683 году. Нашъ писатель родился спустя нѣсколько дней по прибытіи его родителей изъ *Дюн-Кирка*. День его рожденія, говоритъ онъ намъ „былъ самой зловѣщій для

* Въ подлинникѣ сказано, что это извлеченіе изъ шой, которую онъ самъ писалъ.

** Писатель съ необыкновенными дарованіями.

„бѣднаго отца моего, пошому
 „что онъ черезъ день своего при-
 „ѣзда оставленъ вмѣстѣ съ про-
 „чими хорошими Офицерами изъ
 „полку, и оспался на собствен-
 „номъ своемъ пропишаніи въ семъ
 „пространномъ свѣтѣ съ женою
 „и двумя дѣтьми.” — Послѣ
 оставки отца его, побѣхали они
 въ свое родовое жилище въ Эль-
 вингшонъ, не далеко отъ Іорка,
 гдѣ находилась его мать. Тамъ
 прожили они около 10 мѣсяцовъ;
 между тѣмъ полкъ сформировался;
 отецъ его вошелъ опять въ служ-
 бу и они отправились въ Дублинъ.
 Спустя мѣсяць послѣ ихъ прибы-
 тія, отецъ его былъ откоманди-
 рованъ въ Экзешеръ, куда и они
 за нимъ послѣдовали. Черезъ годъ
 почти опять находимъ мы ихъ въ

Дублинѣ. Здѣсь, казалось, отецъ его имѣлъ нѣкоторую надежду пожить долѣе, нанялъ большой домъ, меблировалъ его, и въ полтора года прожилъ довольное число денегъ.—

Въ 1719 году, полкъ былъ наряженъ со многими другими на Островъ Вайтъ (Wight) съ повелѣніемъ отправиться отсюда въ Испанію въ Вигову экспедицію. Мать нашего сочинителя, сестра его и самъ онъ остался на островѣ Вайтъ, пока экспедиція Вигова кончилась. Полкъ возвратился въ Викловъ въ Ирландію, и отецъ потребовалъ ихъ къ себѣ. Они пустились моремъ въ Дублинъ, и конечно бы погибли въ случившейся жестокой бурѣ, если бы мать сочинителя, своими усиленными прозь-

бами не принудила Капитана корабля возвратиться въ Велесъ (Wales). Тамъ просояли они съ мѣсяцъ; потомъ отправились въ Дублинъ и поѣхали сухимъ путемъ до Виклова, гдѣ отецъ его нѣсколько уже недѣль щипалъ ихъ погибшими. — Въ Викловѣ спояли они годъ въ казармахъ (въ 1720) году; отшуда переѣхали къ Г. Фешерстону Священнику, за семь миль отъ Виклова, копорой причелся роднею Сперну и пригласилъ ихъ въ свой приходъ въ Анимо. Здѣсь прожили они полгода — и въ семъ-то приходѣ случилось, что нашъ Авторъ упавши подъ мельничное колесо, дивнымъ образомъ уцѣлѣлъ, въ то самое время, когда мельница была на ходу, и былъ вынятъ отшуда ни мало не вредимъ. Кажется это

невброяшно; однакожъ разсказывають за точную правду во всемъ эпомъ околоскѣ Ирландіи, гдѣ множество черни видѣло его, сбѣжавшись посмопрѣть такую сцену. -- Опшуда пошли они за своимъ полкомъ въ Дублинъ и спояли тамъ годъ въ казармахъ, въ которое время (п. е. въ 1721 году), сочинитель нашъ учился писать и проч. . . . Слѣдующаго году полкъ командированъ былъ на Сѣверъ Ирландіи къ Карифергу; но шолько что прибыли въ Дроггеду, какъ на пуши получили ордеръ ишши въ Мюллонгаръ, гдѣ они какими-то судьбами нашли одного родспвенника, происходящаго по прямой линіи отъ Архіепископа Стерна, кошорой принялъ ихъ въ свой замокъ, содержалъ ихъ съ самымъ дружескимъ попеченіемъ

цѣлой годѣ — и потомѣ проводилѣ ихѣ вѣ полкѣ до Кариферга, облагодѣтворивши ихѣ своими милоспями.-- Потомѣ нѣсколько времени спустя, отецѣ Сочинишеля попросилсѣ вѣ отпускѣ у своего Полковника, чтобѣ отдалѣ его вѣ школу — и отдалѣ близѣ Галифакса вѣ Йоркской округѣ доброму учителю, гдѣ онѣ и находился, покуда Божимѣ о немѣ промыслѣ двоюродной братѣ его изѣ Ельвингшоца, сдѣлалсѣ ему вѣпорымѣ отцомѣ и послалѣ его вѣ Университетѣ и проч. . . .

Сочинишелѣ нашѣ оставалсѣ вѣ Галифаксѣ почти до конца 1731 года. Здѣсь находилѣ онѣ случай рассказать слѣдующій анекдотѣ о себѣ и своемѣ учителѣ. — „Пололокѣ былѣ вновь выбѣленѣ вѣ

„залѣ нашей школы — лѣспница
 „стояла не прибрана, и я — въ
 „одинѣ неудачной мнѣ день, взо-
 „брался на нее и написалъ щопкою
 „большими заглавными буквами
 „Laur. Sterne *, за что меня над-
 „зиратель крѣпко высѣкъ. — Мой
 „учитель былъ очень недоволенъ
 „этимъ, и сказалъ мнѣ въ глаза,
 „что этого имени никогда не со-
 „шрешь, что я мальчикъ съ даро-
 „ваніями, и онъ увѣренъ, что я
 „дойду до своего совершенства.
 „Такая рѣчь его привела въ забве-
 „ніе полученные мною побои.” —

Въ 1732 году двоюродной братѣ
 Сперновѣ послалъ его въ Универси-
 тетѣ. Онъ былъ принятъ въ Кол-
 легію Іезуитовъ въ Университетѣ

* Лавреншій Спернѣ.

Камбриджскомъ 6 Юля 1733 года, подъ покровительствѣ Г. Каннона; записанъ въ книгу входящихъ учениковъ Марша 1735; поступилъ въ степень *Б. А.* * Января 1736; а въ *М. А.* въ началѣ 1740 **. Изъ Университета переселился онъ въ Йоркъ. Дядя его Іаковъ Спернъ, Пребendarій Дургама и проч. отдалъ ему приходъ Сюзсона. Въ Йоркѣ познакомился онъ съ Гж. Спернъ, которая видно въ то время или себя щитала не довольно богатою, или нашего сочинителя слишкомъ бѣднымъ, чѣмъ согласилась за него выйти. — По нѣкоторомъ времени она заболѣла, и въ одинъ вечеръ, когда онъ сидѣлъ возлѣ нее съ со-

* Бакалавра.

** Магистра.

крушеннымъ сердцемъ, она ему сказала: „дорогой Лоринька! — я никогда не буду швоею; — я чувствую, что мнѣ не долго жить на свѣшѣ — но я оставляю тебѣ нѣскольکو шиллинговъ моего имущества.“ — На это была ея непремѣнная воля, которой великодушіе, говоришѣ онѣ „меня преодолѣло.“

Гж. Спернѣ выздоровѣла, и они обвѣнчались 1741 года. Дядя его далѣ ему Пребенду Іоркскую; а помощію имѣнія жены его досталѣ онѣ себѣ и Шеллингтонской приходѣ. Онѣ жилѣ вѣ Сюттонѣ около двашцати лѣшѣ, исполняя должность обвѣхѣ шѣхѣ мѣспѣ. —

Вѣ 1760 году, спалѣ онѣ жить домомѣ вѣ Іоркѣ, и скоро потомѣ поѣхалѣ вѣ Лондонѣ опубликовать

свои двѣ первыя части Шендія , кои были уже изданы за годъ предъ симъ въ Іоркѣ. Въ 1760 году Лордъ Фалконбрайджъ подарилъ его викарствомъ (Сугасу) въ Коксвудѣ. Въ 1762 побѣхаль онъ во Францію со всею своею фамиліею. Черезъ два года, попомъ былъ онъ въ Италіи для поправленія своего здоровья и возвратился въ Маѣ 1766 года. Онъ оставилъ Іоркѣ въ концѣ 1767 года и отправился въ Лондонъ , чтобъ тамъ опубликовать свое *Чувствительное Путешествіе*, которое сочинялъ онъ пого же лѣта въ любимомъ своемъ приходѣ Коксвудѣ. Здоровье его начинало ослабѣвать; но онъ не переставалъ посѣщать своихъ друзей и былъ все въ обыкновенномъ положеніи своего духа. Въ Февраль 1768 , почувствовалъ

онъ приближеніе смерти и послѣ не долгихъ усилій, его немощный и свое время прожившій сославъ ошдалъ долгъ природѣ, 18 Марта 1768 года, въ своей квартирѣ въ Бондѣ-Стришѣ (на улицѣ Бондѣ называемой), и былъ погребенъ самымъ проснымъ и не отккрытымъ образомъ 22 погожѣ мѣсяца.

Тѣ, которые имѣли бы шакое же удовольствіе посѣтить его гробницу, шакое онъ имѣлъ посѣщая любезнаго своего монаха и которые наполнены эшимъ выраженіемъ: *Sad Luxury! to vulgar souls unknown!* (*летальное удовольствіе! душамъ простонароднымъ не извѣстное*), могутъ найти гробъ тотъ, вмѣщающій священныя его ошатки на новомъ кладьбищѣ, принадлежащемъ къ приходу Сенш. Джорджъ

Гановеръ - Скверъ называемому ; въ
изголовьи камня высѣчена слѣдую-
щая надгробная надпись:

Близъ сего мѣста

Покойся тѣло

Почтеннаго Лавренція Стерна ,
А. М.

Умершаго 13 Сентября 1768 *
на 53 году.

** Ah! molliter ossa quiescant! и пр.

* Это число ошибочно.

** Въ оригиналѣ находящся многія
Епиграфы, здѣланныя въ память
*нѣжному другу людей, чувствитель-
ному Стерну*, но въ переводѣ онѣ бы
поперяли много своей силы и красо-
ты: я осмѣляю здѣсь одну Гарри-
кову.

E P I T A P H

by DAVID GARRICK , ESQ.

Shall pride a heap of sculptur'd marble raise,
 Some worthless, unmourn'd titled fool
 to praise;
 And shall we not by one poor gravestone learn
 Where Genius , wit , and humour,
 sleep with Sterne?

Е П И Т А Ф И Я

ДАВИДА ГАРРИКА , ДВОРЯН.

Должноль щцеславіе свой мраморъ
 распочашь,
 Чшобъ недостойные лишь шишлы
 украшашь,
 Когда чишаемъ мы на этомъ камнѣ
 бѣдномъ,

Что здѣсь лежитъ Жени и умъ и
нѣжность съ Стерномъ*?

Такъ почти можно перевести
эту Эпитафію, но слово *Гюморъ*
не выразиимо на нашемъ языкѣ. Я
заклячаю Панигерикъ Сперновъ
тѣмъ — что сколько бы мы въ по-
хвалу его ни сказали, — мы бы не
сказали ничего новаго; все это
будетъ написано въ сердцѣ кажды-
го чувствительнаго чловѣка! —
Всякой другъ чловѣчества будетъ
другомъ Стерна! — — —

* Можно видѣть переводъ сей *Эпита-
фіи* -- и жизнь *Стерна* въ Ежемѣсяч-
номъ изданіи подъ названіемъ: *Муза*.

КРАСОТЫ СТЕРНА.

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Любезная чувствительность! источникъ неизчерпаемый всего, что есть дорого въ удовольствіяхъ и многоцѣнно въ огорченіяхъ нашихъ! ты гнѣбешь своего спрдальца на соломенномъ ложѣ — и ты возвышаешь его до небесъ — вѣчный ключъ нашихъ чувствованій! — здѣсь изображаю тебя — и швоа-шо „божественная сила движется внутри меня„ — Не шо, что иногда въ скучныхъ и болѣзненныхъ минушахъ „душа моя олроверяется на самую себя и трелещетъ при мысли о разрушеніи„ — Одно напыщеніе словъ!

— но то самое, когда я чувствую нѣкоторыя великодушныя удовольствія, нѣкоторыя великодушныя заботы превыше самаго себя — все происходитъ отъ себя, великое — великое хранилище чувствъ, (sensorium) цѣлаго свѣта! — болѣющая и тогда, когда единый власъ съ главы упадаетъ въ опдаленнѣйшихъ степяхъ своего поворенія. — Тронутый побою, Евгений, приходитъ къ одру моему, когда я изнемогаю — слушаетъ мои жалобы на припадки, и обвиняетъ время, что оно разстроило его нервы. — Часто вселяешься ты въ душу самаго простаго поселянина; онъ переходитъ холодныя горы — сыскиваетъ расперзаннаго агнца изъ чужаго стада — — Въ сію минушу вижу его скло-

нившего голову на посохъ, съ самымъ жалосплымъ видомъ взирающаго на него: *Ахъ! естли бы я нѣсколько пришелъ ранѣе! бѣдной истекаетъ кровью* — Его доброе сердце 'обливается кровью, вмѣспѣ съ агнцемъ. —

Миръ тебѣ великодушный па-спырь! — я вижу, какъ ты удаляешься съ воздыханіемъ — но швое удовольствіе перевѣситъ его — ибо блаженна та хижина, въ которой ты обитаешь — блаженъ тотъ, кто раздѣляетъ ее съ шобою — и блаженны агнцы, вокругъ тебѣ веселящіеся. —

Чувст. Путешествіе,
*стр. 226 *.*

* Предлагаемой шеперь переводъ, прошивъ изданнаго прежде мною

Изв. Не бесполезно увѣдомишь чита-
теля, что мы ссылались во всѣхъ
мѣстахъ на послѣднее Лондон-
ское изданіе, въ десяти томахъ
состоящее.

въ Ипнокренѣ въ нѣсколькихъ оприв-
кахъ, гораздо пополненъ, исправленъ
и вновь сличенъ съ оригиналомъ. ---
Я надѣюсь, что понималъ моего Ав-
тора, поному что у меня предъ гла-
зами былъ буквальной переводъ од-
ной Англичанки на Французскомъ, а
во многихъ мѣстахъ справлялся и съ
Нѣмецкимъ. --- За себя ручаться не-
льзя; а предоснавляюща знашокамъ
сего языка здѣлашь свои замѣчанія.
-- Извѣстно, что Спернѣ есть одинъ
изъ труднѣйшихъ сочинителей для
перевода. ---

УЧИТЕЛЬ.

Видите, сказалъ батюшка, обращая свою рѣчь къ дядѣ моему Товію и къ Юрику, ужъ и давно пора взять это юное существо изъ рукъ женщинъ и отдать особому смотрителю.

Я такъ сужу: особа, приснавленная къ моему сыну, должна быть какъ зеркало, въ которое бы онъ смотрѣлся съ утра до вечера, и сообразовалъ съ нимъ свои взоры, свои ухватки (carriage), а можешь быть и самыя скрышныя чувствованія своего сердца — желалъ бы я, Юрикъ! имѣть такое — если можно, выпалированное во всѣхъ почкахъ, чтобъ моему въ него смотрѣлся.

Есть, продолжалъ батюшка, какая-то мина, движеніе тѣла и всѣхъ его частей, какъ въ поступкахъ, такъ и въ разговорахъ, которыя опвѣчаютъ вамъ за доброту души (well within) — есть тысячи непримѣтныхъ отверстій, продолжалъ батюшка, сквозь которыя пронцапедельный взоръ достигаетъ въ сердце человѣка — и я полагаю, примолвилъ онъ, что умной человѣкъ не можетъ положить своей шляпы вшедши въ горницу, — или взять ее выходя опшуда, чтобъ чѣмъ нибудь онъ себя не выказалъ.

По моему, продолжалъ батюшка, онъ долженъ быть веселонравенъ, привѣпливъ, забавенъ; но припомъ благоразуменъ, внимашеленъ къ своимъ дѣламъ, бодръ,

острѣ , прозорливѣ , изобрѣшательнѣ , скорѣ въ рѣшеніяхъ сомнѣній и трудныхъ умозрительныхъ вопросовъ — умѣнѣ , смыслѣнѣ и ученѣ . — А для чегожѣ бы не крошкѣ , умѣренѣ , шихѣ и добрѣ ? сказалъ Іорикѣ . — А для чегожѣ бы , вскричалъ дядя мой Товій , не былѣ онѣ отккрышѣ , великодушенѣ благодарѣтеленѣ и храбрѣ ? —

— Онѣ будетѣ таковѣ , любезный мой Товій ! отвѣчалъ бапюшка , вставши и попрясши его за руку . — Когда такѣ , бращецѣ Шенди , отвѣчалъ дядя мой Товій приподнимаясь со стула и положивѣ трубку свою , чпобѣ бапюшку взять за другую руку — шо здѣлай милосшѣ , позволь рекомендовать тебѣ для эшаго сына бѣднаго Лефевра ! — Слеза радости — слеза

жервой воды — засверкала въ гла-
зѣ у дяди моего Товія , а другая
послѣдовала за нею у Капрала, ко-
гда это предложеніе здѣлано. Опѣ
чего? . . . вы увидите, когда про-
чтете повѣсть объ Лефеврѣ.

ПОВѢСТЬ ОБЪ ЛЕФЕВРѢ.

Нѣкогда лѣтомъ , того самаго года , какъ Дендермондъ взявъ союзниками , дядя мой Товій ввечеру былъ за столомъ и ужиналъ , а Тримъ сидѣлъ позади его на косякѣ окошка. — Я говорю сидѣлъ — ибо въ разсужденіи раненаго Капралова колѣна, которое иногда причиняло ему жестокую боль, дядя мой Товій , когда одинъ бывало обѣдалъ или ужиналъ , никогда не позволялъ стояшь Капралу: но почтеніе сего добраго солдата къ своему командиру было такъ велико , что съ надлежащею артиллеріею дядя мой Товій скорѣе одинъ бы могъ взять Дендермондъ , нежели выиграть у него эту

позицію*; иногда дядя мой Товій, думая, что Капралъ далъ облегченіе ногѣ своей, оглянешся бывало назадъ, и всегда найдешъ его за своимъ стуломъ во всей почтительной формѣ; и это причиняло между ими больше размолвки, нежели всѣ другія причины черезъ двадцать пять лѣтъ сряду. — Да это вишь ни шо, ни сію! — За чѣмъ же я упоминаю? Спросите у моего пера; оно правитъ мною, а не я имъ. —

И такъ въ вечеру дядя мой Товій сидѣлъ за своимъ ужиномъ — какъ вдругъ хозяинъ нашего мала-

* Я старался соображать слова Товія и Капрала съ Военнымъ Успавомъ — Рѣчи ихъ опъзывающа шпилемъ военныхъ людей.

го деревенскаго трактира вошелъ въ горницу съ порожнею бутылкою въ рукѣ, и просилъ дать одинъ или два стакана споловаго вина. „Эпо для бѣднаго Дворянина — молвилъ онъ, кажешся для армейскаго; онъ занемогъ у меня въ домѣ, тому ужъ четвертый день, и съ шѣхъ поръ не поднималъ головы съ постели, и ничего даже не хотѣлъ кушать; а теперь захошлось ему попросить стаканъ вина и поненькой ломтикъ поджареннаго хлѣба. — „Я думаю, говорилъ онъ поширая рукою по лбу, это подкрѣпитъ меня.” —

— Когда бы я не могъ нигдѣ выпросить, занять, или купить чего шакого — прибавилъ хозяинъ — я бы рѣшился даже украсить для эшаго бѣднаго Дворянина — такъ

онъ болѣнъ! но Богъ милосивъ! . . .
я надѣюсь . . . онъ выздоровѣетъ,
продолжалъ онъ — мы всѣ объ немъ
сокрушаемся. —

Ты самой доброй парежь, хоть по-
божись! вскричалъ дядя мой То-
вій; — выпѣй же сперва самъ спа-
жанъ вина за здоровье бѣднаго Дво-
рянина, потомъ отнеси ему двѣ бу-
пылки, представь ему мои услуги,
и скажи, что цѣлая дюжина для
него гошова, ежели только это
ему поможетъ.

Хотя я и увѣренъ, сказалъ дя-
дя мой Товій — какъ трактир-
щикъ затворилъ дверь — что онъ
малой очень жалосливой —
однако Тримъ! — нельзя мнѣ не
имѣть высокаго мнѣнія о его по-
спояльцѣ — должно быть въ немъ
чему нибудь необыкновенному,

чтобъ шакъ скоро приобрѣсть со-
спраданіе пракширщика — И всей
его семьи, прибавилъ Капралъ —
пошому что они всѣ обѣ немъ со-
крушаются. „Вороши его! сказалъ
дядя мой Товій. — Поди Тримъ!
и спроси какъ его зовутъ?“

„Я право забылъ, сказалъ прак-
ширщикъ, входя опять въ горницу
съ Капраломъ; — но могу и въ дру-
гой разъ спросить обѣ этомъ его
сына.“ — Развѣ и сынъ есть при-
немъ? сказалъ дядя мой Товій. —
„Да, сударь, мальчикъ одиннадцат-
и либо двенадцати лѣтъ, оп-
вѣчалъ пракширщикъ; но бѣдняж-
ка сполько же лѣтъ, какъ и отецъ:
онъ безпрестанно вздыхаетъ и пла-
четъ обѣ немъ, и вотъ ужъ два
дни, какъ не ошходитъ отъ его
постели.“

Дядя мой Товій положилъ ножикъ и вилку, оподвинулъ шарелку, слушая практирщика; а Тримъ не дожидаясь приказа принялъ ее молча, и черезъ нѣсколько минутъ подалъ ему трубку и табакъ. —

Тримъ! я имѣю въ головѣ проэктъ, сказалъ дядя мой Товій — какъ-этомъ вечеръ погода дурна, то я закушаюсь попеплѣе въ свою шинель (roquelaine) и схожу посѣ- шить бѣднаго Дворянина. — Ваше благородіе, не надѣвали своей шинели ни одинъ разъ, отвѣчалъ Капралъ, съ той самой ночи, какъ ваше благородіе, получили рану, стоя на караулѣ въ праншеяхъ передъ ворошами Св. Николая; да къ помужъ ночь такъ холодна и сыра, что въ этакой шинели и при та- кой погодѣ можете легко просту-

дисься, ваше благородіе, и подновись боль въ бѣдрѣ вашего благородія. — Этого и самъ я боюсь, опивчалъ дядя мой Товій. — однакъ не могу бышь спокоенъ духомъ, Тримъ! съ шѣхъ поръ какъ пракширщикъ пересказалъ мнѣ все эшо. Я бы хотѣлъ не знашь сполько объ эшомъ дѣлѣ, — примолвилъ дядя мой Товій, — или знашь гораздо больше — Какъ бы намъ съ эшимъ сладись, Тримъ? „Положись, коли угодно вашему благородію, на меня, опивчалъ Капралъ, — я возьму свою палку и шляпу, пойду къ пракширщику, рекогносцирую все, какъ слѣдуетъ, и черезъ часъ подамъ вашему благородію полной рапортъ. —

„Сступай, Тримъ! сказалъ дядя мой Товій — и вошь тебѣ ши-

лингъ, попопчивашъ его слугу” —
 О! опъ него я всѣ узнаю, отвѣ-
 чалъ Капралъ, зашворяя дверь.

Еще дядя мой Товій не вы-
 пряхнулъ огарковъ изъ прешей сво-
 ей трубки, какъ Капралъ Тримъ
 возвратился и подалъ ему слѣдую-
 щій рапортъ.

Сперва опчаялся было я, ска-
 залъ Капралъ, принесшь вашему
 благородію какое нибудь извѣстіе
 о бѣдномъ Поручикѣ. — Такъ онъ
 изъ армейскихъ? спросилъ дядя
 мой Товій. Да, ваше благородіе,
 отвѣчалъ Капралъ. — Котораго
 полку? прибавилъ дядя мой Товій
 — Я все-разскажу вашему благо-
 родію по ранжиру. — Ну, Тримъ!
 такъ я набью себѣ еще трубку,
 сказалъ дядя мой Товій, и не буду
 перерывашъ пивоей рѣчи, пока лы

не кончишь. Садись повыгодней на косякѣ, Тримѣ, и начни свизнова. — Капралѣ здѣлалъ свой спаринной поклонѣ, которой извяснилъ сполько, сколько поклонѣ извяснить можешѣ: *много милости, ваше благородіе!* — и сѣдши, какѣ вѣ приказѣ было отдано, онѣ началъ рассказывать дядѣ моему Товію почти вѣ такихѣ словахѣ.

Сперва отчаялся было я принести вашему благородію какое нибудѣ извѣстіе о бѣдномѣ Поручикѣ и его сынѣ, пошому что какѣ спросилъ я, гдѣ его слуга, отѣ котораго надѣялся развѣдать обо всемѣ, о чемѣ шолько развѣдывать годился — (Самое справедливое замѣчаніе, Тримѣ! подхватилъ дядя мой Товій:) — по мнѣ ошвѣчали, ваше благородіе, что

при немъ нѣтъ слуги; что онъ прѣхалъ на наемныхъ лошадяхъ, и не могли ѣхать далѣе, (видно чшобъ догнать свой полкъ), онъ спустилъ ихъ на другой день послѣ своего прѣзду. — Когда мнѣ будетъ легче, душенька!... сказалъ онъ своему сыну, отдавая кошелекъ, чшобъ заплапшь извозчику, но мы можемъ и здѣсь нанять лошадей! — Но Богъ вѣспь! выѣдетъ ли отсюда бѣдной Офицеръ! сказала мнѣ воздохнувши хозяйка. — Цѣлую ночь слышала я въ спѣнѣ зловѣщіе стукальцы*, и ежели онъ умретъ, то это бѣдинькое дитя, сынъ его, пой-

* Есть черви, называемые *стѣноточцы*, которые грызучи дерево, спучащъ на подобіе карманныхъ часовъ.

дешъ за нимъ во гробъ, потому что сердце его и такъ уже сокрушилось.

Какъ я слушалъ ея рѣчь, продолжалъ Капралъ, мальчикъ вошелъ въ кухню: приказашъ изжарить ломшикъ хлѣба, о которомъ сказывалъ пракширщикъ. „Да только я самъ его изжарю — сказалъ онъ. Пожалуйте Баринъ сударикъ, позвольте мнѣ васъ избавить отъ этого труда, сказалъ я, взявши вилку для этого дѣла, и придвинулъ ему мой стулъ, чтобъ сѣлъ онъ у огня, пока я буду стряпашъ.” — Я думаю сударь, отвѣчалъ онъ очень скромно, что я лучше угожу на его вкусъ. Повѣрьте, продолжалъ я, его благородію не покажется онъ хуже отъ того, что будетъ изжаренъ ста-

рымъ солдатомъ — Милое дитя! взялъ меня за руку и замился слезами. — Бѣдненькой! сказалъ дядя мой Товій, онъ съ младенчества воспитанъ въ арміи и имя солдата, Тримъ, опозвалось въ его сердце, какъ имя друга! — хотѣлъ бы я, чшобъ онъ былъ здѣсь., —

— „Никогда послѣ самаго большаго маршу, продолжалъ Капралъ, столько не хотѣлось мнѣ встать, какъ плакашь съ нимъ въ эти минуты., — чшобы этому за причина, ваше благородіе? — Ничего Тримъ, сказалъ дядя мой Товій: упираясь (*), кромѣ того, чшоны самое доброе сердце.

* Въ подлинникѣ: blowing his nose — (сморкая носъ).

Когда я опдалъ ему грѣнку, продолжалъ Капралъ, то счелъ ужъ кспати увѣдомить его, что я слуга Капитана Шенди, что ваше благородіе (хотя и незнакомы), берете великое участіе въ состояніи его бабюшки; и ежели есть что въ вашемъ домѣ, въ вашемъ погребѣ — (Ты бы могъ прибавить такъ же и въ моемъ кошелькѣ, сказалъ дядя мой Товій) — то все это сердечно къ его услугамъ.” Онъ здѣлалъ мнѣ очень низкой поклонъ, (которой относился къ вашему благородію), и ни слова не отвѣчалъ — такъ сердце его было спѣсено! — онъ пошелъ вверхъ съ грѣнкою. — Вы увидите, баринъ сударикъ, . . . сказалъ я отворяя ему дверь изъ кухни, что бабюшка вашему будетъ легче. —

Викарій Г. Іорика курилъ трубку у очага, но онъ не молвилъ ни же слова ни добраго ни худаго въ ушѣшеніе бѣдному дышящѣ. Я подумалъ, что это очень дурно, прибавилъ Капралъ — И я такъ думаю, опшѣчалъ дядя мой Товій.

Какъ Поручикъ выпилъ спанкнъ вина и скушалъ грѣнку, то почувствовавалъ себя не мношко лучше, и прислалъ въ кухню сказать, что ежели угодно мнѣ войти чрезъ десять минутъ, то онъ съ удовольствіемъ меня приметъ. — „Я чаю, сказалъ прахпирщикъ, онъ спанешъ молишься, попому что книжка лежитъ на стулѣ возлѣ его кровати, и я припворя дверь видѣлъ, какъ сынъ его бралъ подушку подъ колѣни. —

Я думаю Г. Тримъ , сказалъ Викарій , вы господа армейскіе никогда не молишь? — Я своими ушами слышала вчерась , какъ Поручикъ усердно молился , сказала хозяйка ; а шо бы и сама не повѣрила. — Смотри, подлинно ли такъ, подхватилъ Викарій? — Ваше благословеніе ! сказалъ я ему — солдатъ молишь также усердно, какъ и поибъ — и когда онъ сражается за свое опечесиво, за свою жизнь, за свою честь, шо онъ имѣетъ болѣе причины молишься Богу, нежели кпо другой. Хорошо сказано, Тримъ ! воскликнулъ дядя мой Товій. — Когда, ваше благословеніе, солдатъ принужденъ полсутокъ просшояшь въ шраншей по колѣни въ холодной водѣ — или нѣсколько мѣсяцовъ сряду бышь въ дальныхъ и

опасныхъ походахъ — сего дня
можешъ быть преслѣдуемъ самъ
— завтра преслѣдуя другихъ —
наряженъ сюда — опкомандированъ
туда — просыпаючи цѣлыя ночи
на кулакѣ — замерзая во всѣхъ
соснавахъ — не имѣя ни соломин-
ки въ палашкѣ, гдѣ бы приклонишь
голову — то онъ долженъ молишь-
ся, когда и какъ удасться. Я ду-
маю, сказалъ я — (пошому, что
я долженъ былъ вснупишься за
честь арміи, прибавилъ Капралъ),
— я думаю, ваше благословеніе,
когда солдатъ имѣешъ время мо-
лишься, но онъ молился съ та-
кимъ же усердіемъ, какъ и священ-
никъ, хотя можешъ бышь и съ мень-
шими нарядами и не съ такимъ на-
ружнымъ видомъ. — Эшого не на-
добно было шебѣ говорить, при-

молвилъ дядя мой Товій — попому что единъ Богъ знаетъ, гдѣ естъ лицемѣрие, и гдѣ его нѣтъ! — На великомъ и главномъ *Ревю* * копорой здѣланъ будетъ всѣмъ намъ, Капралъ — въ день суда, но не прежде, шамъ увидятъ, кпо исполнялъ свою должность въ семъ свѣтѣ — кпо нѣтъ — и тогда-то Тримъ! мы будемъ повышены по заслугамъ. — Я чаю, что будемъ, сказалъ Тримъ — Это братъ написано въ Библии, опивчалъ дядя мой Товій, — и я тебѣ завтра же покажу — между тѣмъ мы можемъ вѣришь Тримъ, къ собственному нашему ободренію, примолвилъ дядя мой Товій, что Всемогуцій Богъ естъ благій и праведный

* Смотри; см. военный Уставъ.

правитель міра сего ; и ежели мы исполняемъ въ немъ свои обязанности , то не будущъ спрашивать , въ какомъ мундирѣ мы это дѣлали , въ красномъ или черномъ? * — Чай, что не будущъ, сказалъ Капралъ — Ну дайте Тримъ ! сказалъ дядя мой Товій.

Когда я вошелъ въ горницу къ Поручику, продолжалъ Капралъ, что было точно не прежде , какъ по прошествіи десяти минути : онъ лежалъ въ постелѣ — голова его была поднята на рукѣ , а локоть уперся въ подушечку ; возлѣ него лежалъ бѣлой батистовой

* Известно, что въ Англіи пѣхотной мундирѣ, въ которомъ Капралъ Тримъ и Товій служили, красной; а духовные у нихъ одѣшы въ черномъ.

плашокъ ; — мальчикъ въ самое то время наклонясь, поднималъ подушку, на которой, думаю, споялъ онъ на колѣняхъ ; — книжка лежала на постелѣ, и когда онъ поднялся взявъ подушку одною рукою, то въ тоже время протянулъ другую, чшобъ принять книжку — Оставь ее здѣсь душенька! сказалъ Поручикъ. —

Онъ не говорилъ мнѣ ни слова, пока не подошелъ я близко къ кровати. — Ты служишь при Капитанѣ Шенди, сказалъ онъ ; пожалуста мой другъ поблагодари швоего господина отъ меня и отъ моего дядяши за всю его благосклонность. — Не Левенсова ли онъ полку, спросилъ Поручикъ ? — Я опивчалъ, что ваше благородіе шочно Левенсова полку. — Такъ

я съ нимъ былъ въ трехъ компаніяхъ во Фландріи, продолжалъ онъ, и его помню; но видно какъ я не имѣлъ чести быть съ нимъ знакомъ, то онъ меня со всѣмъ не знаетъ — Ты однакожъ доложи ему, что шопъ, кого онъ одолжилъ по своему добродушію, есть Поручикъ Лефевръ, Ангусова полку; но онъ меня не знаетъ. . . . сказалъ онъ въ другой разъ призадумавшись. — Сшанешся, что онъ и слыхалъ что нибудь обо мнѣ, продолжалъ онъ; я прошу тебя, скажи Капитану, что я шопъ бывшій Прапорщикъ въ Бредѣ, котораго жена была застрѣлена по несчастному случаю изъ ружья когда она спала со мною въ палаткѣ. — Помню и я, ваше благородіе эту исторію сказалъ я. — Ты

помнишь! сказалъ онъ, упирая слезы плашкомъ: и я очень помню. . . . и при сихъ словахъ вынулъ онъ изъ запазухи кольцо, повѣшенное на черной ленточкѣ около шеи: онъ поцѣловалъ его два раза — Поди ко мнѣ Билли! сказалъ онъ. . . мальчикъ подбѣжалъ къ кровати, и упавши на колѣни, взялъ колечко въ руки, поцѣловалъ его также какъ и онъ, потомъ обнялъ своего отца, сѣлъ на постелю и началъ плакать. . . .

„Хотѣлъ бы я, сказалъ дядя мой Товій глубоко вздыхая, хотѣлъ бы я лучше уснуть, Тримъ!“

Это васъ слишкомъ протакаетъ, ваше благородіе! отвѣчалъ Тримъ. Не прикажете ли вашему благородію подать стакаль вина — къ шрубкѣ? Хорошо Тримъ! отвѣчалъ дядя мой Товій.

Я помню, продолжалъ дядя мой Товій еще разъ вздохнувши, приключеніе Прапорщика и его жены, — а особливо по тому, что объ немъ и объ ней, по шой ли или по другой какой причинѣ не знаю, всѣ генерально сожалѣли въ полку: — но доканчивай повѣсть Тримъ! —

Она кончилась, сказалъ Капралъ; — мнѣ не лзя было долбе оспаваться, и я пожелавъ доброй noci его благородію — пошелъ. — Молодой Лефевръ вспалъ и посвѣшилъ мнѣ до самаго низу лѣспницы, а между тѣмъ, какъ мы вмѣстѣ сходили, онъ сказалъ, какъ они прѣехали изъ Ирландіи, и хотѣли догнашь свой полкъ во Фландріи. — Охъ! сказалъ Капралъ, — Поручикъ прошелъ ужъ весь свой маршъ. — Чшо жъ будетъ съ бѣд-

нымъ его сыномъ? вскричалъ дядя мой Товій.

Къ вѣчному воспоминанію , къ чести дяди моего Товія , онъ въ сію минушу забылъ всѣ прочія свои заботы и думалъ шолько, какъ бы помочь бѣдному Поручику и его сыну! —

Существо благое , вспомошествовающее всѣмъ безпомощнымъ , вознаградитъ тебя за это!

Ты кончилъ свое дѣло слишкомъ корешко , сказалъ дядя мой Товій Капралу , когда онъ клалъ его спать — я тебѣ скажу почему , Тримъ! . . . во первыхъ , когда ты предложилъ мои услуги Лефевру, ты зналъ, что болѣзнь и пробѣдъ стоятъ денегъ; ты зналъ, что онъ бѣдной Поручикъ , который долженъ содержать однимъ

только жалованьемъ себя и своего сына : — слѣдовательно тебѣ бы можно было предложить ему такъ же и мой кошелекъ ! . . . Ты знаешь , Тримъ ! ежели есть нужда , то я охотно отдаю его въ распоряженіе своему брату , точно какъ самому себѣ . — Ваше благородіе вѣдомы , что этого не было въ приказѣ . — Правда , Тримъ ! опъ вѣчалъ дядя мой Товій , ты поступилъ хорошо , какъ солдатъ ; но конечно худо , какъ ближній . —

Во вторыхъ — вѣ чемъ ты шѣмъ же извиняться можешь — когда ты предлагалъ ему все , что есть въ моемъ домѣ — ты бы предложилъ ему шупъ же и мой домъ . — Нашъ братъ , Офицеръ , долженъ имѣть всегда лучшую кварширу , Тримъ ! — и естлибъ онъ былъ

у насъ , мы бы всячески постарались его сберечь — ты же и самъ лучший дядька , Тримъ ! а нѣсколь-ко своими попеченіями и нашей сшарухи , и его сына , и моими шушъ же — мы бы могли его опять включить въ списокъ и разомъ поспавилибъ на ноги ! — и черезъ двѣ или три недѣли , примолвилъ дядя мой Товій усмѣхаясь , онъ бы былъ въ состояніи пушиться въ маршъ . — Ваше благородіе : ужъ не маршировать ему болѣе на семъ свѣтѣ ! — опвѣчалъ Капралъ . Онъ помаршируетъ , сказалъ дядя мой Товій привставши съ краю своей кровати въ одномъ шуфлѣ . — Ему маршъ въ могилу , ваше благородіе , опвѣчалъ Капралъ . — Нѣтъ ! вскричалъ дядя мой Товій , поднявши ногу , (на кошорой былъ шу-

фель) какъ на маршѣ, однакожъ не двинувшись съ мѣста ни на вершокъ — ему маршѣ въ свой полкъ. — Да онъ и спояшь не можешъ, возразилъ Капралъ. — Его поддержишь, сказалъ дядя мой Товій. — Онъ ослабѣетъ, прибавилъ Капралъ — и что будешъ съ его сыномъ? . . . Онъ не ослабѣетъ, опѣчалъ дядя мой Товій съ швердостію. — Эхъ! что говоришь — ~~сказалъ~~ Капралъ крѣпко споя въ своей позиціи, сколько бѣ мы ни старались оба, эшотъ бѣдной чело-вѣкъ умретъ. — Клянусь Б. . . не умретъ онъ! — вскричалъ дядя мой Товій. . . .

Духъ обвиняющій полетѣлъ съ сею клятвою въ великое присуд-ствіе небесъ, и отдавая ее, по-краснѣлъ; — но Ангелъ примири-

пель, записавъ сію кляпву, уронилъ слезу на слово — и изгладилъ его на вѣки. —

Дядя моя Товій пошелъ къ своему бюро, вынулъ кошелекъ и положилъ его въ свой часовой карманъ* и потомъ отдавши Капрану въ приказѣ назавтра сходить поранѣе за лѣкаремъ, легъ въ постель — и уснулъ.

Солнце всходило въ пріятномъ сіяніи для глазъ всякаго въ той деревни, кромѣ Лефевра и его сына. Рука смерти осягошѣла на вѣждяхъ ихъ — и едва только колесо заскрыпѣло на колодезѣ, какъ дядя мой Товій вставши часомъ раньше обыкновеннаго, вошелъ къ

* Въ подлинникѣ.

Поручику въ горницу , и безъ всякаго предисловія и оговорки сѣлъ на стулъ возлѣ кровати, и не уважая ни эпѣхъ модѣ, ни обычаевъ, опдернулъ занавѣсъ , какъ водились у старыхъ пріятелей и своихъ братьевъ Офицеровъ , и спросилъ его, каковъ онъ? . . . какъ провелъ ночь? . . . какая у него болѣзнь? . . . гдѣ чувствуешь онъ боль? . . . какъ бы это сдѣлать , чѣмъ ему помочь? — и не давъ ему времени опвѣчать ни на одинъ изъ вопросовъ, онъ сообщилъ ему свой планъ, о которомъ держалъ совѣтъ съ Капраломъ на канунѣ. —

Вы переѣдете прямо въ мой домъ , Лефеврѣ! сказалъ дядя мой Товій — мы пошлемъ за Докторомъ , чѣмъ посмотрѣлъ , что у васъ за болѣзнь ; — возьмемъ изъ

апшеки лѣкарства; — а Капралъ станешъ ходишь за вами, и я самъ буду вамъ прислуживашь, Лефевръ! . . .

Дядя мой Товій имѣлъ нѣкотораго рода опкровенность, которая не будучи однакожъ слѣдствіемъ короткаго обхожденія (familiarity), но его причиною, съ перваго взгляду провожала каждого до самой его души; — извѣяляла всю доброшу его сердца; къ тому же было у него въ глазахъ, въ голосѣ, и въ поступкахъ нѣчто такое, что всегда влекло несчастныхъ прибѣгать подъ его покровишельство. Такъ и здѣсь еще не успѣлъ онъ и въ половину кончишь предложенія объ его услугахъ отцу, какъ сынъ нечувствительно прижался къ самымъ его колѣнямъ, и взявъ шихонько за кафтанъ, при-

шлягивалъ его къ себѣ. Кровь и жизненные соки Лефевровы охладѣвшіе, и уже репирующіеся къ послѣдней своей цишадели, къ сердцу — оживошворились; — шомность оставила на минушу его зрѣніе... Онъ поднялъ глаза свои, исполненные чувства и нѣжности, на дядю моего Товія; — опѣ него перевелъ онъ сей самый взоръ на своего сына; и связь (ligament) сія, какъ ни шонка она — осталась навсегда неразрывною*.

Природа мгновенно всшупила опяшь въ свои предѣлы — слабость воззрашила на свое мѣсто — пульсъ мѣшался — останавливал-

* Въ сихъ мѣстахъ надобно узнавать Сперва. Во многихъ подобныхъ поспавилъ я замѣчанія.

ся — продолжалъ — бился — замолкъ — опять двинулся — спалъ... продолжайте ли мнѣ? — Нѣтъ.

Вопль все, что нужно еще прибавить: — Дядя мой Товій, держа за руку молодого Лефевра, проводилъ шло бѣднаго Поручика до могилы.

Когда дядя мой Товій все, что было у Поручика, перевелъ на деньги и раздѣлался по щету между полковымъ Коммиссаромъ и Лефевромъ, и между Лефевромъ и родомъ человѣческимъ: — тогда въ рукахъ его ничего не осталось, кромѣ стараго мундира, да шлагн. — Не трудно посему догадаться, что нашлось мало, или совсѣмъ ничего, кто бы хотѣлъ вмѣшаться въ распоряженіе наслѣдствомъ. —

Дядя мой Товій опдалъ мундиръ Капралу. — „Носи его, Тримъ, сказалъ дядя мой Товій, до шѣхъ поръ, пока онъ еще держишься, въ память бѣднаго Поручика. — А эшо Лефевръ, обратился къ нему рѣчь дядя мой Товій взявъ шпагу въ руки и вынувъ ее при сихъ словахъ изъ ноженъ, — эшо Лефевръ! я сберегу для тебя: — вошъ все богатство, продолжалъ дядя мой Товій, повѣсивъ шпагу на гвоздь и указывая на нее пальцомъ, — вошъ все богатство, любезный мой Лефевръ, оставленное тебѣ Провидѣніемъ; — но ежели тебѣ дано сердце, чшобъ очистишь себѣ шпагою пупъ въ свѣпѣ, и ты сдѣлаешь эшо какъ человекъ знающій честь свою — о! эшого съ насъ и — довольно. . . .”

Какъ скоро дядя мой Товій положилъ нѣкоторое основаніе, то и отослалъ Лефевра въ Народное Училищѣ, гдѣ выключая Рождество Христово и Свѣшлой праздникі, въ которое время Капралъ со всею почностію посыланъ былъ брать его домой — онъ пробылъ до весны семнадцатаго года своего возраста. — Извѣстіе, что Императоръ послалъ войска свои въ Венгрію прошивъ Турокъ, зажгло искру въ груди его. . . Онъ оставилъ свой Греческой и Латинской языкъ безъ позволенія — и бросившись на колѣни предъ дядею моимъ Товіемъ, просилъ, чтобъ онъ отдалъ ему шпагу его отца, и благословилъ бы его бхатъ искинать своего щаспія подъ командою Принца Евгенія. — Два раза дядя мой Товій, забывши свою

рану , вскричалъ : Лефевръ ! я ъду съ тобой ; ты будешь сражаться возлѣ меня ! — и два раза прикладывалъ руку къ бедру и пошуплялъ голову съ видомъ печальнымъ и недовольнымъ .

Дядя мой Товій снялъ шпагу съ гвоздя , до которой никто не допрогивался съ тѣхъ поръ , какъ она повѣшена была на спицѣ послѣ смерти Поручика , отдалъ ее Капралу вычислить ; и удержавъ Лефевра не больше двухъ недѣль для обмундировки и для снабженія всѣмъ нужнымъ на проѣздъ до Ливорны , онъ отдалъ шпагу въ собственныя его руки . — „Когда ты храбръ , Лефевръ , сказалъ дядя мой Товій , она тебѣ не измѣнитъ ! — но щастіе продолжалъ онъ (нѣсколько призадумавшись) , щастіе

можетъ тебѣ. . . . ну! . . . а ежели и оно измѣнитъ тебѣ, прибавилъ дядя мой Товій обнявъ его, по возвращайся ко мнѣ, Лефевръ! я тебѣ сыщу другую дорогу.

Величайшая обида не могла бы обременить столько сердца Лефеева, какъ опеческая милость дяди моего Товія. . . . Онъ распался съ дядею моимъ Товіемъ, какъ самый лучший сынъ съ самымъ лучшимъ опцомъ: оба проливали слезы, и дядя мой Товій въ послѣдній разъ поцѣловалъ его, всунулъ ему въ руку бо гиней, завязанныхъ въ шаромъ кошелекъ его опца съ колечкомъ его матери — и препоручилъ его Богу. —

Лефевръ прибылъ въ Императорскую армію въ самое по время, въ которое могъ испытать, ка-

кого мечалла его шпага : — онъ поспѣлъ на разбише Турокъ подъ Бѣль-градомъ. — Но цѣлая толпа незаслуженныхъ несчастій преслѣдовала его вездѣ съ той минуты, въ теченіе послѣдующихъ чепырехъ лѣтъ. — Пропивясь ихъ жестокостямъ до самой крайности, наконецъ онъ заболѣлъ въ Марсели, откуда и писалъ къ дядѣ моему Товію, что онъ пошлялъ свое время, свою службу, свое здоровье, словомъ все — кромѣ своей шпаги, и что онъ ожидаетъ перваго корабля, чтобъ къ нему возвратиться.

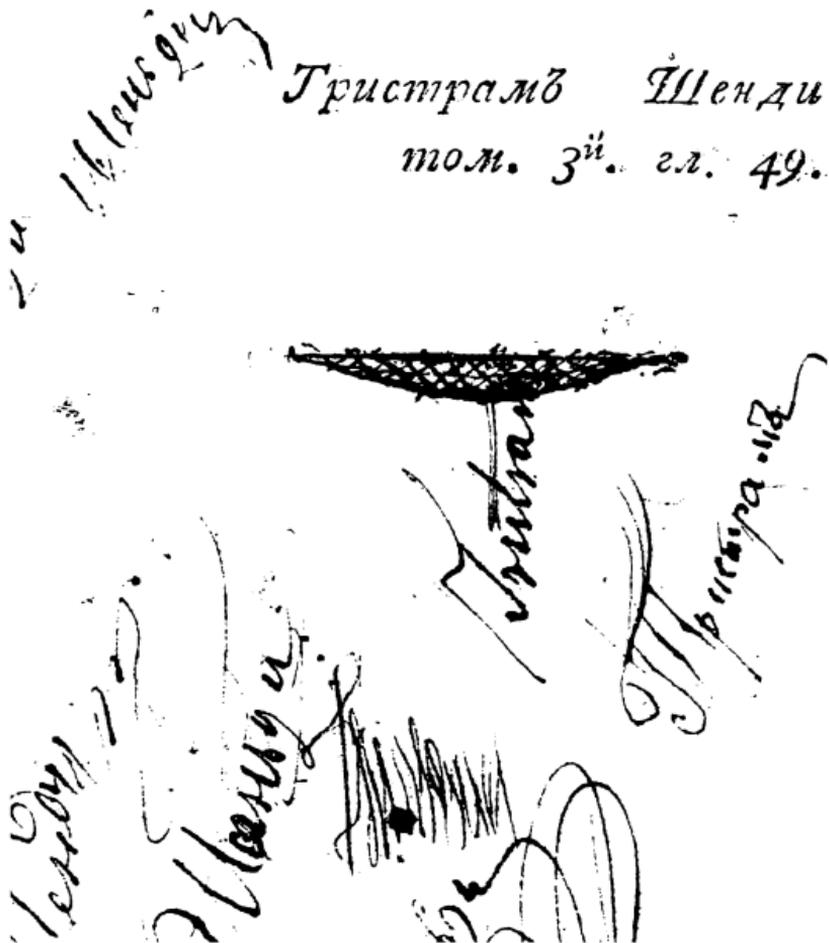
Лефевра съ часу на часъ ожидали, и дядя мой Товій занимался имъ наиболѣе въ то время, какъ башюшка описывалъ ему и Юржку,

какого бы человека желалъ онъ мнѣ въ учищели. — Но какъ первыя требованія совершенствъ показались дядѣ моему Товію нѣскольکو мечтательны, но онъ и не хотѣлъ упоминашь объ имени Лефевра, пока Юриковою прибавкою не довершенъ неожиданно характеръ, чѣмъ онъ былъ крошкѣ, умѣренъ, тихъ и добрѣ. — Образъ Лефевровъ и участіе въ немъ споль живо напечатлѣлись въ мысляхъ дяди моего Товія; что онъ въ ту минуту приподнялся со стула и положивъ трубку, чѣмъ взявъ бабюшку за обѣ руки, — позволь мнѣ братацѣ Шенди! сказалъ онъ, рекомендовавъ тебѣ сына бѣднаго Лефевра. — Я васъ умоляю, примите его! сказалъ Юрикъ. — У него доброе сердце; молвилъ дядя мой

Товій — И храброе припомѣ, ваше
благородіе, прибавилѣ Капралѣ. —

— Самыя лучшія сердца, Тримѣ!
бывають всегда и самыя храбрыя!
отвѣчалѣ дядя мой Товій.

Тристрамѣ Шенди
том. 3^й. гл. 49.

Б Ъ Л И Ц А.

— Такъ , и ты былъ однажды влюбленъ, Тримъ? сказалъ дядя мой Товій улыбаясь. —

И ! ваше благородіе — по самыя уши , отвѣчалъ Капралъ ! — Пожалуйсша скажи : когда , гдѣ и какъ это было ? — я ни слова объ этомъ не слыхалъ прежде , молвилъ дядя мой Товій. — Смѣю сказать ошвѣчалъ Тримъ , что всякой мальчишка барабанщицей , всякой Сержантской сынъ въ полку знали объ этомъ. — Ну , шакъ мнѣ ужъ и давно пора , — примолвилъ дядя мой Товій.

Ваше благородіе , съ горестію можете припомнить о совершенномъ разбитіи и побѣгѣ нашего лагеря и арміи на сраженіи при

Ланденъ ; всякой изъ насъ былъ оспавленъ своей судьбѣ , и естъ либъ не полки Виндгамовъ , Ломлеевъ и Галвеевъ , которые прикрывали решираду чрезъ Нирсникенской мостъ , то и самъ Король* чунъ ли бы успѣлъ спастись чрезъ него — вы сами знаете , ваше благородіе , какъ его со всѣхъ сторонъ стѣснили. —

Храброй смертной ! вскричалъ дядя мой Товій , пришедши въ энтузіазмъ — шеперь ужъ когда все погибло — Капралъ! еще вижу , какъ онъ скачетъ на лошади мимо моихъ глазъ на лѣвомъ флангѣ , спарается переправить съ собою остатокъ Англинской конницы , дашь се курсъ пра-

* Король Вильгельмъ.

вому, и, ежели только еще возможно, сорвашь лавры съ головы Люксембурговой — вижу, какъ онъ съ кистью своего шарфа, только лишь опорваннаго пулею, оживленъ новою бодростию, бѣдный полкъ Галвеевъ — скачетъ вдоль ширенги — возвращается назадъ, и поручаетъ Конши надъ нимъ команду — храброй! подлинно храброй вскричалъ дядя мой Товій, онъ достоинъ лавроваго вѣнца — Также точно по дѣломъ, какъ воръ висклицы, примолвилъ Тримъ.

Дядя мой Товій зналъ простодушіе Капралова, — а то бы такое сравненіе никакъ не было ему по мысли. — Капралъ не подумавши выболтнулъ — ворошить было нельзя, и шакъ дѣлать стало нечего, какъ только продолжашь.

Число раненыхъ было чрезвычайное, и никто не могъ думать ни о чемъ другомъ, какъ только о собственномъ своемъ спасеніи — „Между тѣмъ однакожъ очень искусно убрался Талмашъ съ своею пѣхотою, возразилъ дядя мой Товій. — Но я былъ оставленъ на полѣ сраженія, отвѣчалъ Капралъ — (Ты былъ оставленъ! бѣдной Тримъ, перехватилъ дядя мой Товій) — такъ, что ужъ на другой день въ полудни насъ размѣнили и положили на шельгу съ тринадцатью или четырнадцатью другими ранеными, чтобъ отвесить въ госпиталь. — Боль въ моемъ колѣнѣ, продолжалъ Капралъ, сама по себѣ была жестока; а тѣсноша въ шельгѣ и худая дорога съ ухабами еще гораздо бо-

лѣе умножила мое мученіе — на всякомъ шагу была смерть моя, шакъ, что испекши весь кровью, будучи кинутъ безъ призрачія и чувствую еще припадокъ лихорадки — (Бѣдная душа! молвилъ дядя мой Товій), — я всего этого вмѣстѣ не былъ въ силахъ перенести, ваше благородіе.

Телѣга наша, которая была послѣдняя съ ряду, остановилась у одной крестьянской избы — и здѣсь-то началъ я жаловаться на несстерпимую боль молодой женщины. Мнѣ помогли войти; и эта женщина вынувши изъ кармана спиртъ, налила на сахаръ, и видя, что это меня оживляетъ, подала мнѣ въ другой и третій разъ. — Я рассказывалъ ей, ваше благородіе, про свою боль, что она не-

стерпима для меня, что я лучше бы согласился лечь въ постель, (оборопясь при сихъ словахъ къ шой, которая стояла въ углу избы) — и умереть, нежели ъхать далѣе. — Какъ она повела меня къ шой постели, то я упалъ въ обморокъ на ея рукахъ. — Она имѣла самую добрую душу, сказалъ Капралъ, упирая глаза — ваше благородіе изволише услышать. —

Я думалъ, что любовь самое веселое дѣло, молвилъ дядя мой Товій.

Иногда, ваше благородіе, это самое суріозное дѣло въ свѣтѣ!

По убѣжденію молодой женщины шелѣга сѣранеными уѣхала безъ меня; она увѣрила ихъ, что я ни минушы живѣ не останусь, коль скоро положашъ меня на шелѣгу. И шакъ, когда я опамяшовался —

то нашелъ себя въ тихой и спокойной хижинѣ, въ которой никого не было кромѣ молодой женщины, крестьянина и его жены. Меня положили поперегъ кровати въ углу избы, а раненую мою ногу на скамейкѣ; молодая женщина сидѣла возлѣ меня, и прикладывала одною рукою узолокъ своего плащка, намоченный уксусомъ къ моему носу, а другою поширала мои виски. —

Сперва счелъ я ее за дочь эпова крестьянина (потому, что это былъ не пракширъ), и отдалъ ей мой кошелекъ съ 18 флоринами, которые бѣдной мой братъ Томъ (при сихъ словахъ Тримъ уширалъ глаза) переслалъ ко мнѣ въ гостинецъ черезъ одного рекрута передъ са-

мымъ своимъ отъѣздомъ въ Лисабонѣ.

Молодая женщина кликнула старика и его жену въ избу, чтобъ показашъ имъ деньги, и шѣмъ здѣлалашъ мнѣ кредитшъ въ постелѣ и другихъ мѣлочахъ, копорыя мнѣ понадобятся, пока буду я въ состояніи отправишья въ Гошпшаль. — Хорошо, сказала она завязывая кошелекъ, — я буду у тебя казначея; но какъ одного эшого дѣла мало, то я буду вмѣстѣ и швоя прислужница.

По голосу, съ кақимъ она эшо сказала, и по ея одѣянію, копорое началъ я разсмаширивашъ присшальнѣе — спалъ я думать, что эша молодая женщина не могла бытъ дочь креѣстьянина. Она была въ черномъ плашѣ до самыхъ ыяшъ; волосы

у нее спрятаны были подъ баши-
сповою косынкою завязаною на
переди головы, шакъ точно, какъ
бываетъ у эсихъ монастырокъ,
ваше благородіе, которыхъ было
много во Фландріи, — чай и ваше
благородіе видали, и которыя хо-
дятъ свободно. — По швоимъ раз-
сказалъ Тримъ, сказалъ дядя мой
Товій, я сужу, что это была мо-
лодая бѣлица, которыхъ нигдѣ не-
льзя найти, кромѣ Гишпанскихъ
Нидерландовъ и Амстердама; — онѣ
опличаются опъ монахинь шѣмъ,
что выходяшъ изъ монастыря,
какъ скоро пожелаютъ за мужъ;
онѣ посѣщаютъ больныхъ и при-
служиваютъ имъ по своему чино-
положенію — желалъ бы я съ своей
спороны, чтобъ онѣ лучше дѣла-
ли это по добродушію.

Молодая, бѣлица, продолжалъ Капралъ, лишь только успѣла молвить это слово „буду швоя прислужница“ то въ ту же минушу скоро поворошилась, чшобъ принясь за дѣло и приготоуишь кое-чшо для меня; и въ самое короткое время — хопя оно мнѣ и долгимъ показалось — принесла фланель и пр. и пр. Дѣлавши припарку къ моему колѣну около двухъ часовъ, и подавши мнѣ тарелку кашицы на ужинъ — она пожелала мнѣ спокойной ночи и обѣщала прийти ко мнѣ по утру рано — она пожелала мнѣ, ваше благородіе, чего не можно было ожидать. — Лихорадка моя сильно умножилась ночью — образъ ея производилъ внутрь меня жестокое волненіе. — Всякую минушу дѣлилъ я свѣтъ

на двое — чѣобѣ отдашь ей половину — и всякую минушу съ сожалѣніемѣ вспоминалъ, что у меня кромѣ снабзка и осьмнадцати флориновѣ нечего было раздѣлиться съ нею. — Цѣлую ночь прекрасная Бѣлица мечталась мнѣ; казалось, какѣ Ангелѣ, спояла она возлѣ моей кравати, опдергивала занавѣсъ и подавала мнѣ еще спирты — пока не пробудился я опѣ сихѣ грезѣ ея приходомѣ въ уреченное время, — и она подала мнѣ ихѣ на яву. — Да и подлинно она почти не опходила опѣ меня и я шакѣ привыкѣ получашь мое здорье изѣ рукѣ ея, что было сердце у меня замрешѣ, и я поблѣднѣю, когда она выходилѣ изѣ горницы. — Любовь, ваше благородіе, въ эпомѣ случаѣ точно какѣ вой-

на, и солдатъ, который уцѣлѣлъ
цѣлая при недѣли до самой полу-
ночи въ Субботу — можетъ быть
пораженъ въ сердце въ Воскресенье
по утру. — Почти такъ и случи-
лось, ваше благородіе, только съ
тою разницею, — что я влюбил-
ся въ Воскресенье по полуночи,
однимъ залпомъ — эпа любовь,
ваше благородіе обрушилась на ме-
ня какъ бомба, — которая едва
дала мнѣ время перекреститься.

Мнѣ казалось Тримъ, сказалъ
дядя мой Товій, что человекъ ни-
когда не можетъ такъ скоропо-
спижно влюбиться.

Можетъ, ваше благородіе коли
онъ готовъ любить — отвѣчалъ
Тримъ.

Пожалуйста, молвилъ дядя мой Товій, расскажи мнѣ, какъ это все случилось.—

Со всею охошою , ваше благородіе , отвѣчалъ Капралъ поклонившись.— Я избѣгнулъ , продолжалъ Капралъ , во все это время отъ заразъ любви и дошелъ было уже до самаго конца этой главы, естли бы не сужено мнѣ было иначе ; судьбѣ своей противишься нельзя. — Это было въ Воскресенье по полудни, какъ я докладывалъ вашему благородію. Спаричокъ съ своею женою куда-то оплучились — около хижины все такъ умолкло , такъ было тихо , какъ въ полночь. —

Довольно того , что не было ни курицы на дворѣ , когда пришла

навѣспитъ меня прекрасная Бѣлица.

Рана моя подживала и шло уже къ шому, чшобѣ мнѣ выздоравливать — вся инфламація прошла съ нѣкошораго времени; но за нею послѣдовалъ внизу и вверху моего колѣна такой нестерпимой зудѣ, что я не могъ свести глазѣ цѣлую шу ночь. — „Дай-ка мнѣ пошмотрѣшь, сказала она спавши на колѣни на полу вѣ паралель съ моимъ колѣномъ — его надобно не мношко пошереть, сказала Бѣлица” — пошомъ накрывши ногу одѣяломъ, она начала переднимъ пальцомъ своей правой руки шереть вѣ низу моего колѣна — вода его шо взадѣ, шо впередѣ по краю фланели, кошорою обвязана была перевязка.

Черезъ пять или шесть ми-
нутъ я почувствовалъ скоропо-
стижно конецъ и вшораго ея паль-
ца — и вдругъ онъ спалъ иѣсно
соединенъ съ первымъ; между тѣмъ
она все продолжала тереть ша-
кимъ образомъ все вокругъ —
во кругъ — довольно долго; шутъ
то пришло мнѣ въ голову, что я
долженъ влюбиться — я покра-
снѣлъ, когда увидѣлъ, какая была
у нее бѣлая рука — никогда, ва-
ше благородіе — никогда не уви-
жу я такой бѣлой руки, пока
живъ. —

Молодая Бѣлица, продолжалъ
Капралъ примѣшивши, что мнѣ
очень помогало это шрение черезъ
нѣсколько времени опъ двухъ паль-
цовъ — начала тереть еще шре-
мя, а шамъ мало по малу присое-

динился и чешвертой, и напоследокъ спала она переть и всю рукою; я ужъ болѣе ни слова не молвлю, ваше благородіе объ этой рукѣ — но она была мягче апласу.

Пожалуйста Тримъ, выхваляй ее сколько хочешь, сказалъ дядя мой Товій; я буду слушать твою повѣсть съ большимъ удовольствіемъ. — Капралъ благодарилъ своего командира отъ чистаго сердца, но не имѣя ничего болѣе сказать объ рукахъ своей Бблицы, какъ развѣ по же, что и прежде — онъ приступилъ къ самому произведенному отъ этой руки впечатлѣнію.

Прекрасная Бблица, сказалъ Капралъ, продолжала переть всю рукою внизу колѣна до шѣхъ поръ,

пока я не побоялся, чтобъ она не устала отъ своей услужливости— „Я бы сто разъ долбе еще шерла, сказала она, ради любви Христовой.,, И какъ она продолжала шереть — я чувствовалъ, ваше благородіе, изъ подъ руки ее разливающееся нѣчто по всѣмъ частямъ моихъ сославовъ —

Чѣмъ долбе она шерла, и чѣмъ долбе захватывала рукою — шѣмъ больше распостранялся огонь по моимъ жиламъ — пока наконецъ отъ двухъ или трехъ пошираньевъ далбе всѣхъ прежнихъ — стращь моя возрасла до вышней степени — я схватилъ ея руку — И шумъ — домолвилъ дядя мой Товій, — ты прижалъ ее къ своимъ губамъ Тримъ, и сказалъ ей рѣчь.

Такъ ли точно кончились амуры Капраловы , какъ дядя мой заключилъ — до того нѣпнѣ нужды — довольно , что любовь сія заключаешъ въ себѣ эссенцію всего того , что сказано во всѣхъ романахъ , какіе только были писаны ошѣ начала свѣта.

*Тристрамъ Шенди,
Часть. 4^я гл. 43.*

М А Р Ъ Я.

— Послышались мнѣ самыя пріятныя тоны; я тотчасъ опустилъ переднее стекло у кареты, чтобъ вслушаться лучше —

Это Марья играетъ, сказалъ мнѣ почтарь примѣняя, что я высунулся — бѣдная Марья, продолжалъ онъ (наклонясь нѣсколько въ сторону, чтобъ дать мнѣ видѣть ее, потому что онъ былъ въ прямой линіи между нами), она сидитъ на скамьѣ и наигрываетъ на флейтѣ свои вечерніе канты; а козочка ее пасется около нее.

Молодой парень произнесъ сіи слова съ такимъ голосомъ, съ такимъ взглядомъ сообразнымъ чувствительному сердцу, что я въ ту же минуту далъ себѣ слово по-

Даришь ему четверть на водку, коль скоро приѣду въ Мулинѣ.

— А кто такая бѣдная Марья? спросилъ я.

Дѣвушка любимая во всемъ нашемъ околоткѣ, объ которой всѣ сожалѣютъ, отвѣчалъ почтарь — три года назадъ тому, какъ подъ солнцемъ нельзя было найти такой прекрасной такой остроумной и любезной дѣвушки; Марья стоила лучшей участи, нежели что бы бракъ ея запрещенъ былъ по интригамъ сельскаго Пастора, который долженъ былъ о немъ обнародовать —

Онъ хотѣлъ было продолжать, какъ Марья, которая нѣсколько промолчала, поднесла свою флейшу къ губамъ и начала снова арію — Опять тѣже самые тоны; но еще въ десять разъ пріятнѣе: „это

ея вечерніе каншы Богородицѣ, сказалъ молодой человекъ — кто ее выучилъ играть ихъ, и какъ она доспала эту флейшу — никто этого не знаетъ; думать надо, что Богъ помогалъ ей въ шомъ и другомъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ она помѣшалась въ умѣ, кажется это одно только ея утѣшеніе — флейша никогда не выходитъ изъ ея рукъ и она играетъ на ней эти и день и ночь.

Почтарь рассказывалъ это съ такою скромностію, съ такимъ природнымъ краснорѣчіемъ, что, мнѣ казалось, я распознавалъ въ чертахъ лица его нѣчто выше его состоянія и конечно бы спросилъ объ немъ подробнѣе, если бы бѣдная Марья на ту пору не заняла всего меня собою.

Между тѣмъ мы подѣбхали къ самому тому мѣсту, гдѣ сидѣла Марья; на ней была тонкая бѣлая кофточка; волосы, кромѣ двухъ локоновъ, подобраны всѣ были подъ шелковую лѣспочку, на которой было нѣскольکو масляныхъ листковъ, переплетенныхъ по своему, не множо странно, на одну сторону; она была прелестна; и никогда не чувствовалъ я такой глубокой болѣзни сердца истинно честнаго, какъ въ сію минушу, когда ее увидѣлъ.

— Ахъ! помилуй ее Богъ! бѣдная дѣвушка! сказалъ почтарь, сколько-то обѣденъ пѣли въ разныхъ приходахъ, церквахъ и по монашьямъ окружнымъ за нее — но все напрасно; мы еще имѣемъ надежду, когда она прихо-

дитѣ въ чувство на нѣсколько минутъ, что Богородица возвратилѣ ей наконецъ прежній разумъ ; но ея родители , которые лучше ея знаютъ , совсѣмъ въ этомъ опчались , и думаютъ , что она лишилась навсегда своего разсудка. —

Какъ почтарь , говорилъ это , Марья играла такъ меланхолически , такъ нѣжно , такъ жалобно , что я выскочилъ изъ каресы утѣшивъ ея , и усѣлся между ея и ея козочкою , прежде нежели опаматовался отъ моего воспорга.

Марья смотрѣла нѣсколько минутъ пристально на меня , и попомъ на свою козу — попомъ на меня — попомъ опять на козу — и такъ далѣе попеременно — —

Ну, Марьюшка! сказааъ я ей крошко, — какое находишь ты сходство?

Заклинаю чистосердечнаго читателя повѣришь миѣ, что я единственно по самому смиренному убѣжденію на какого *зверя* бываеиѣ похожѣ человекѣ — сдѣлааъ такой вопросѣ; и что я бы не хотѣаъ проронить такую шушку не у мѣста, предѣ почтеннымѣ лицомѣ несчастія, хопябѣ удостоивали меня всею оспрошою ума, какую *Рибеле* распространиаъ — однакожѣ признаюсь, что сердце мое меня вѣ шомѣ укоряло, и что я сполько мучился одною о семѣ мыслию, что поклялся хранить благоразуміе и произносишь однѣ важныя изреченія во весь оспашокѣ дней моихѣ — и никогда, никогда не

вмѣшивать въ разговоры никакой замысловатости ни съ мущиною, ни съ женщиною, ни съ ребенкомъ во всѣ лѣта моей жизни.

— Но чтобы писать для нихъ бессмыслицу — я думаю на это есть исключение — однажъ еще оставимъ для свѣта.

Прости Марья! — прости бѣдная несчастная дѣвушка! можешь быть когда нибудь — но не теперь — я услышу твои горести изъ собственныхъ устъ твоихъ — но я обманулся; она поспѣхъ взяла свою флейшу, и рассказала мнѣ на ней такую повѣсть о своихъ злополучіяхъ, что я вспалъ и пошелъ косными и неровными шагами къ своей каретѣ. —

Тристралиъ Шенди
Часть 4^я гл. 83.

М А Р Ь Я.

Мулинъ.

Я никогда еще до сихъ поръ не чувствовалъ ни подъ какимъ другимъ видомъ такого раззоренія изобилію. — Путешествовать черезъ Бурбонскую спирану, пріятнѣйшую часть Франціи въ самую жаркую пору, въ самой развалъ собранія винограда, когда натура разливаешь богатые дары свои въ нѣдра каждаго, и когда у всѣхъ глаза глядяшь весело — — путешествовать, когда на всякомъ шагу музыка даешь тактъ трудолюбію, и когда всѣ его дѣти съ радостнымъ торжествомъ собирають виноградныя киспи — — пробѣжать спираны съ моими чувствованіями, излещающими мгновенно и воспла-

меняющимися при каждой группѣ предо мною — и когда каждая наполнена приключеніями — Боже! — это бы могло наполнить двадцать помовѣ — но ахъ! у меня осталось только нѣсколько страницъ, чтобы помѣстить на нихъ все это — и половина изъ нихъ должна быть оставлена для бѣдной Марьи, которую другъ мой Шенди встрѣшилъ близъ Мулина.

Повѣсть, которую онъ разсказалъ объ этой помѣщенной дѣвушкѣ, не мало тронула меня при ея чтеніи; но когда добралъ я до собственнаго мѣста, гдѣ она жила, то Марья споль сильно возобновилась въ моихъ мысляхъ, что я никакъ не могъ пропившись побужденію, которое влекло меня поворошить въ сторону на полми-

ли опѣ дороги, гдѣ жили ея родители, чшобѣ опѣ нихѣ обѣ ней развѣдать. —

Эшо похоже на рыцаря *Печальнаго образа* * Ъхашѣ искашѣ меланхолическихѣ приключеній — но я не знаю, опѣ чего эшо происходипѣ, только никогда я сшоль совершенно не увѣренѣ, что есть во мнѣ душа, какѣ вѣ эшо время, когда я запускаюсь вѣ шакія приключенія.

Машѣ спарушка отворила двери; ея взгляды сказали мнѣ всю исторію, прежде нежели она открыла ротѣ — Она лишилась своего мужа: онѣ за мѣсяцѣ передѣ симѣ умерѣ, сказала она, сѣ печат-

* *Донѣ-кишота.*

ли, что Марья помѣшалась — Сперва было боялась я, продолжала она, чтобъ опѣ этого бѣдная дѣвка и послѣдняго смыслу не лишилась — но напрошивъ она не много пришла въ себя — однакожь все не могу я успокоиться — бѣдная моя дочька! молвила она всхлипывая, вѣрно бродишь гдѣ нибудь около дороги - - - -

- - - - Какъ шумно пульсъ мой бьется, когда я нишу это? — И опѣ чего Лафлеръ, котораго сердце настроено кажется для одной радости, два раза упираетъ себѣ глаза кулакомъ — когда старушка стояла и рассказывала? Я велѣлъ почтарю поворошить на большую дорогу. —

Когда мы отъѣхали на полмили опѣ Мулина на маленькомъ пе-

реѣздѣ черезъ дорогу, ведущемъ къ лѣсочку, сидѣла бѣдная Марья подъ пополомѣ — локошь ее лежалъ на колѣнахъ, и голова наклонилась на одну сторону ея ладони; — у подошвы дерева прошекалъ ручеекъ. —

Я приказалъ почтарю воротиться съ кареюю въ Мулинъ и Лафлеру постараться объ ужинѣ — самому же мнѣ хотѣлось пѣшкомъ прийти за ними.

Она была въ бѣломѣ платьѣ, почти такъ, какъ описалъ ее мой пріятель, съ тою только разницею, что волосы у нее были распущены, а не спрятаны, какъ прежде подъ шелковую сѣпочку. — Она прибавила еще къ своей кофточкѣ, блѣднозеленую ленту, которая висѣла у нее чрезъ плечо

до самага лифа, и на копорой была повѣшена ея флейта. — Козочка вѣрно ей шакже измѣнила, какъ и ея любовникъ, и она взяла себѣ вмѣсто ея собачку, копорую держала она на снуркѣ, привязанномъ къ своему поясу. Какъ я поспрашивалъ на собачку, то она пошянула ее къ себѣ за снурокъ — „Ты не покидай меня, Сильвинька” сказала она. Я посмопрѣлъ въ глаза Марьѣ и примѣшилъ, что она больше думала о своемъ опцѣ, нежели о своемъ любовникѣ, или о своей козочкѣ, пошому, что когда она это произнесла, — по слезы покатились по ея щекамъ.

Я сѣлъ поручь сѣ нею, и Марья позволила мнѣ опереть моимъ плашкомъ ея слезы, когда онѣ капились. Я омочалъ его и своими —

и ея слезами — и моими опять — и опять ея — и когда я это дѣлалъ, то чувствовалъ внутри себя такія неописанныя волненія, которыхъ нельзя изъяснить (я увѣренъ), никакимъ сопряженіемъ матеріи и движенія. — —

Я вѣрю, твердо вѣрю, что имѣю душу, и всѣ книги, которыми маіеріалисты заразили свѣтъ, не могутъ меня увѣрить въ прошивномъ. —

Когда Марья пришла нѣсколько вѣ себя, то спросилъ я у нея, не припомнитъ ли она того блѣднаго, сухощаваго человѣка, которой за два года предъ симъ сидѣлъ между ею и ея козою. Она отвѣчала: что она была въ ту пору очень смѣшена; однакожъ помнитъ это по двумъ причинамъ — первое, что

при всей ея дурношѣ она примѣтила, что эшошѣ человекѣ жалѣлъ объ ней; другое, что коза ея унесла его плашокѣ, и за эту покражу она ея побила — Я вымыла эшошѣ плашокѣ, сказала она, въ ручайкѣ, и съ тѣхѣ порѣ всегда его кошу въ карманѣ, чшобѣ опцашь ему, коли полько съ нимѣ когда нибудь увижусь опять: что, примолвила она, онѣ почти и общалѣ.

Сказавѣ эшо, вынула она плашокѣ изѣ кармана и показала мнѣ. Онѣ былѣ завернутѣ чисто въ два виноградные листка и обмотанѣ винограднымѣ ускомѣ — развязавши, увидѣлъ я S* назкаченный на одномѣ уголкѣ.

Д 2

* Слово съ кошораго начинается въ Англискомѣ S - handy S - terne.

Съ того времени, говорила она мнѣ, путешествовала она до самаго Рима — ходила около церкви Св. Петра — возвратилась назадъ — сыскала себѣ дорогу черезъ Аппенинскія горы — прошла всю Ломбардію безъ денегъ и всѣ каменистыя дороги въ Савойѣ безъ башмаковъ, и какъ она все это вытерпѣла, какъ она перенесла это, сама рассказать не умѣетъ — Но *Богъ* заключила Марья, *укрощаетъ бури для остриженного агнца.*

Подлинно остриженного! и даже до живова, сказалъ я; и ешь либъ ты была въ моей опчизнѣ, гдѣ у меня ешь маленькой уголокъ, я бы принялъ тебя — зберегъ бы тебя; ты бы вкушала со мною хлѣбъ насущной, ты бы пила

изъ одной чаши со мною — я бы ласкалъ твою Сильвиньку — еспыли бѣ ты занемогла — либо заблудилась гдѣ нибудь — я бы пошелъ за тобою, привелъ бы тебя домой — по закатѣ солнца я сталъ бы чистить свои молишвы; а послѣ того и ты бы проиграла твою вечернюю пѣснь Богородицѣ на своей флейтѣ -- и ейміамъ жершвы моей не меньше бы проникнулъ небеса опѣ того, что онѣ бы восходилъ вмѣстѣ съ ейміамомъ сокрушеннаго сердца. —

Природа вся во мнѣ распаяла, когда я произносилъ сіи слова : и Марья примѣшивъ , какъ я вынималъ плашокъ изъ кармана , что онѣ былъ очень мокръ и не годился упиранья — хотѣла было пойти вымышь его въ ручайкѣ — Гдѣжѣ

ты высушишь его, Марьюшка, сказалъ я? — Я высушу его въ пазухѣ — у сердца — молвила она — мнѣ это будетъ пріятно.

— Развѣ швое сердце, Марьюшка, и до сихъ поръ шакъ горячо? сказалъ я. —

Спруна, до которой я допронулся, опоздалась всѣми ея злополучіями. — Она посмошрѣла приспавно, и съ нѣкоторымъ смущеніемъ мнѣ въ лицо; потомъ не говоря ни слова, взяла свою флейшу и начала играть свой кантъ Богородицѣ. — Спруна, до которой я допронулся, переспала звѣнеть — чрезъ минушу или двѣ Марья пришла въ себя — уронила свою флейшу и всшала.

Куда жѣ ты хочешь ишши, Марьюшка? спросилъ я. — Въ Му-

линѣ отвѣчала она. — Пойдемъ же вмѣстѣ, сказалъ я. — Марья взяла меня подъ руку — и опустила снурокъ, чшобъ собачка могла бѣжать за нами. — Такимъ образомъ вошли мы въ Мулинѣ. —

Хотя я ненавижу кланяться и здороваться на публичныхъ мѣстахъ, но когда мы вошли на площадь — я остановился, чшобъ взглянуть въ послѣдній разъ на Марью и проспишьясь съ нею.

Марья, хотя не велика ростомъ, была однакожъ изъ первыхъ прекрасныхъ фигуръ. — Печаль опшувала ея взоры чѣмъ-то, едва ли земнымъ; — но она все была своего пола — и въ ней было шакъ много всего того, чего сердце желаетъ, чего глазъ ищетъ въ женщинѣ, чшо ешьяли бѣ когда нибудь

могли изгладиться въ ея памяти худыя впечатлѣнія — или черпы Элизы въ моей, *то она бы не только вкушала со мной хлѣбъ насущный и пила изъ единой чаши со мною*, но Марья покоилась бы на груди моей, и была мнѣ вмѣсто дочери.

Проси! жалкая, несчастная дѣвушка! — прими вино и елей, кои сострадапельной иноземецѣ, проѣзжая по этой дорогѣ, низліешѣ на раны павѣи. — Существо двое-кратно поразившее тебя, единое шокмо можетѣ уврачевашѣ сіи язвы въ Вѣчности.

Сувствительный Путешеств.

стр. 227.

ВЕЗПЕЧАЛЬНОСТЬ * Г. ШЕНДИ ПО СМЕРТИ СЫНА ЕГО.

Философія, имѣетъ на все свою сеншенцію — а на смерть цѣлый указъ.

„Неизбѣжный рокъ — первый спашутъ въ Magna Charta ** — вѣчный актъ Парламента — за-ключается въ сихъ словахъ: all must die.”

„Монархи и вельможи въ одномъ гуляющъ кругу съ нами”. — ***

* Resignation, еще больше значить: совершенное упованіе на Бога и преданность въ волю Его.

** Славная *Магна карта*, или законъ Англїи, подписанный Іоанномъ I. копорымъ дарована вольность Англичанамъ.

*** Эта идея взята изъ славной картины *Гольейна*, написанной на сѣбнахъ

„Умереть! значитъ, необходимо заплашишь свой долгъ природѣ — Гробницы и монументы, которые должны бы продлить воспоминаніе объ насъ — сами разрушающіяся, погибающія — и эти гордые пирамиды, которыхъ деньги и искусство воздвигли — склоняющія наконецъ верхи свои — и нога прохожаго попираетъ разбросанныя ихъ обломки. — Царства и области, города и столицы не имѣютъ ли своего времени? и когда эти основанія, эти силы, сооружившія

кладбища Св. Петра въ Базелѣ, гдѣ изображена пляшущая смерть, которая вмѣстѣ съ собою зашавляетъ плясать всѣхъ людей: выходитъ изъ него самая каррикатурная сумятица и проч....

ихъ прежде , и вмѣстѣ соединившія , прейдущъ постепенно свои превращенія — они падающъ и исчезаютъ!”

„Гдѣ дѣвалась Троя и Мицены, и Фивы, и Делосъ, и Персеполь, и Агригеншъ ? — Гдѣ Нинезія и Вавилонъ, гдѣ Сизика и Мишиллены? Эти прекраснѣйшіе города, какіе бывали подъ солнцемъ, превратились въ ничтожество — остались имена одни — и шѣ (потому, что многіе въ складахъ своихъ измѣнились) мало по малу изглаживаются и въ печеніи времени забудутся и покроются съ прочими вѣчною пылью. — Самой міръ сей долженъ — долженъ нѣкогда разрушиться.” —

Возвращаясь изъ Азіи, когда ъхаль я моремъ отъ Эгины къ Мегарѣ, то начиналъ видѣть во-

кругъ себя землю. Эгина была за мною, Мегара въ глазахъ, Пирей по правую сторону, а Коринѣвъ по лѣвую. — Какое множество знаменитыхъ городовъ, лежащихъ въ развалинахъ! Увы! увy! сказалъ я самъ себѣ, не ужели человѣку не можно утѣшишься о потерѣ дѣлящи — когда столько лежащихъ предъ нимъ не возвращено погребенныхъ! — Вспомни, молвилъ я себѣ — вспомни, что ты смерщенъ.”

„Мой сынъ умеръ! шѣмъ лучше: не надежно въ такой бурѣ имѣть одинъ якорь.”

„Но онъ на вѣки разлучился съ нами! — буди воля Господня! — онъ ушолъ отъ рукъ своего брадобрѣя, прежде нежели волосы у него вышли. — вспалъ изъ за стола не зная индигесши — вы-

шелъ изъ пирушки: не напившись пьянымъ.” —

Фракіяне плакали при рожденіи младенца, — хоржеспивовали и веселились, когда человекъ умиралъ: это и правильно. Смерть отвергаетъ врага славы и запираетъ за собою входъ зависти. — Смерть разрѣшаетъ узника — и отдаетъ долю невольника въ руки другого человека! —

„Покажите мнѣ человека, которой бы зналъ эту жизнь — и боялся умереть, и я покажу вамъ невольника, которой боится быть свободнымъ.”

ТРИМОВО ИЗЪЯСНЕНІЕ

Пятой Заповѣди.

— Пожалуста, Тримъ! скажи мнѣ, молвилъ дядя мой Товій, какъ ты полкуешь эту заповѣдь: *Сти отца твоего и матеръ твою.*

— Отдавая имъ, ваше благородіе, при пенса съ половиною*, когда они стары. — „И ты это печно исполнялъ? сказалъ Іорикъ” — Да, по чести, исполнялъ онъ это, опивчалъ дядя мой Товій — Ну, Тримъ, продолжалъ Іорикъ, поднявшись опрометью со стула и взявши Капрала за руку — ты наилучшій полковашель

* Половина солдатскаго жалованья въ Англіи; пенсъ 2 копѣйки.

Декалога* и за это я больше почитаю себя, Капралъ Тримъ! нежели бы за то уважать могъ, когда бы ты самъ участвоваль въ сочиненіи Талмуда.

*Тристрамъ Шенди,
том. 3^й, стр. 32.*

* Десять заповѣдей.

ОСТАТОКЪ ОНЪ ПОВѢСТИ

о Тримовомъ братѣ.

Тому было досужно, ваше благо-
родіе — погода была теплая —
ему вспало на умъ подумать хоро-
шенько, какъ бы пріискать себѣ
мѣстечко въ свѣтѣ. На ту пору
случись, что Жидъ, которой про-
давалъ колбасы въ лавочкѣ на од-
ной съ нимъ улицѣ, умеръ не своею
смертію, онъ мочереза * и оста-
вилъ молодой вдовѣ начатой свой
шоргъ. — Томъ подумалъ (какъ и
всякъ въ Лиссабонѣ подумываетъ,
какъ бы лучше что для себя про-
мыслишь), что въ эяномъ ни кро-
шки худа не будетъ, коли онъ

* Спрангурія.

предложитъ ей свои услуги для продолженія торгу. Такимъ образомъ безъ всякой другой рекомендаціи къ молодой вдовѣ, кромѣ одной лишь той, что хочетъ купить себѣ у нее фунтъ колбасъ — пошелъ нашъ Томъ со двора — и идучи такъ смекалъ самъ себѣ: какъ бы неудачно это не вышло — все однакожъ онъ получилъ фунтъ колбасъ за свою цѣну; — а коли пойдетъ дѣло на лады, то онъ гораздо подымется на ноги; у него не только будетъ фунтъ колбасъ, — да еще и жена — и цѣлая лавочка съ колбасами — а сверхъ того, ваше благородіе, и торгъ.

Всѣ люди въ домѣ отъ большаго до малаго желали Тому успѣха: и теперь себѣ какъ вообразу, ваше

благородіе, но будто въ эту минушу на яву его вижу, какъ онъ въ бѣломъ камковомъ камзолѣ и въ панталонахъ, шляпа на бекрень, выступаетъ весело по улицѣ, помахиваетъ своимъ хлыстикомъ, и готовитъ улыбку и ласковое словцо всякому, кто ни попадется ему на встрѣчу.

Охъ! бѣдной Томъ! ты ужъ больше не улыбнешся! — вымолвилъ Капраалъ оборотя глаза въ сторону на полъ, какъ будто бы онъ проспиралъ рѣчь къ нему въ его могилѣ. — —

Бѣдняжка! сказалъ жалосшно дядя мой Товій. —

Онъ былъ честной, веселонравной дѣшина, ваше благородіе — какого лишь когда нибудь въ свѣтѣ кровь согрѣла. — —

Такъ стало, онъ былъ похожъ на тебя Тримъ! подхвапиль дядя мой Товій. —

Капраль покраснѣлъ до ушей — слеза чувствительной спыдливости — другая благодарности къ дядѣ моему Товію, — и еще слеза горести о злополучіи брата, на вернулись въ глазахъ его, и шихо поканились по щекамъ одна за другою. Дядя мой Товій, вспыхнулъ — точно какъ свѣча вспыхиваетъ опъ огня другой, и взявъ Трима у груди за мундиръ (шохъ, что былъ прежде Лефевровъ), какъ будто желая облегчить хромую его ногу, а въ самомъ дѣлѣ чшобъ удовлетворить нѣжнѣйшему чувству. — Онъ споялъ молча около полушоры минушы, попомъ опнялъ свою руку; а Капраль сдѣлавши по-

клонѣ , продолжалъ разсказывать о своемъ братѣ и о вдовѣ. —

Когда Томъ , ваше благородіе , пришелъ къ лавочкѣ , то не было въ ней никого кромѣ бѣдной дѣвушки Арабки , которая пукомъ бѣлыхъ перьевъ , навязанныхъ слегка на длинную палку , згоняла мухъ — однакожъ не била ихъ.

Прекрасная картина ! прервалъ дядя мой Товій , видно она сама терпѣла бѣды , Тримъ , и научилась жалости ! —

— Она была добра , ваше благородіе , сколькожъ отъ природы , какъ и отъ несчастій ; и есть такія приключенія въ повѣсти объ этой бѣдной безщадной швари , что онѣ бы смягчили каменное сердце , сказалъ Тримъ . Когда нибудь въ суровой зимній вечеръ , какъ найдешь

доброй стихъ (humour) на ваше благородіе, я вамъ разскажу ее съ остальнойю повѣстью о Томѣ пошому, что она составляетъ часть этой.

Такъ смотрижь не забудь, Тримъ, примолвилъ дядя мой Товій.

Да у Арапа естля душа, ваше благородіе? спросилъ Капраль (съ видомъ сомнѣнія).

Я не великой знапокъ въ этой машеріи, Капраль, сказалъ дядя мой Товій — но думаю, что Богъ конечно и его не оставилъ безъ какой нибудь души — точно такъ, какъ себя и меня.

А безъ эшаго, ваше благородіе, далеко — очень далеко было бы одному до другаго, — молвилъ Капраль.

О конечно такъ, подтвердилъ дядя мой Товій.

За что жъ , ваше благородіе , съ несчастною черною дѣвушкою поступаютьъ гораздо хуже , чѣмъ съ бѣлыми ? — —

— Не умѣю сказать тебѣ никакой причины , ошвѣчалъ дядя мой Товій. —

— За то развѣ , вскричалъ Капралъ покачавши головою , — что за нее нѣкому здѣсь вступишься?—

Это-то самое , Тримъ , сказалъ дядя мой Товій , это-то самое и должно бы препоручить ее всѣмъ въ покровительство , равно какъ и прочихъ злополучныхъ ея братьевъ ; одна удача въ войнѣ даетъ намъ въ руки бичъ шеперь , * а что будетъ впередъ , Богъ

* Думаешь можно , что въ то время Англичане воевали удачно въ Америкѣ.

вѣспѣ! — но какъ бы то ни было, Тримъ, прямо храбрый человекъ никогда не употребилъ этого бича шакъ безжалостно. — — Боже оборони! сказалъ Капралъ.

„Аминь, Тримъ! заключилъ дядя мой Товій, положа руку себѣ на сердце. — —

Капралъ возвратился къ своей повѣсти, и продолжалъ — но съ шакимъ замѣшательствомъ, что коегдѣ читатели вѣрно бы не поняли; пошому, что отъ многихъ быстрыхъ пореходовъ отъ одного сердечнаго чувствованія къ другому онъ потерялъ обыкновенный ключъ* своего голоса, кошорый давалъ смыслъ и выраженіе его повѣсти.

* Слово музыкальное.

Дважды покушался онъ начать снова — но все что-то не клѣлось. — И такъ гаркнулъ съ напряженіемъ, чтобъ собрать свои ретирующіяся мысли, и помогая нѣсколько напуръ тѣмъ, что прибоченился лѣвою рукою, а правую не много пропянувъ, опустилъ на другой ляжкѣ — Капралъ началъ съ самой ближайшей ношы, какъ возможно, и въ семъ положеніи продолжалъ свою повѣсь.

— Какъ Тому, ваше благородіе, не было тогда никакого дѣла до дѣвушки Арабки, то онъ и прошелъ въ другую возлѣ той комнапу, чтобъ поговорить вдовушкѣ о своей любви, и будучи, какъ я докладывалъ вашему благородію, откровенной и веселонравной парень, у котораго характеръ написанъ былъ въ гла-

захъ и его ухваткахъ; онъ взялъ спулъ и безъ дальнихъ околичностей, однакожь со всею вѣжливостію, пославилъ его возлѣ спула вдовы у стола и сѣлъ.

И какъ обыкновенно, ваше благородіе, всякая вдова выбираетъ себѣ другаго мужа, чтебъ онъ какъ можно не былъ похожь на перваго, то все ужъ и было слажено въ ея мысляхъ, прежде нежели Томъ намекнулъ сѣбѣ этомъ.

Она подписала капишуяцію — а Томъ приложилъ печашь; и шѣмъ дѣло кончилось.

Тристрамъ Шенди,
Том. 4^й гл. 64.

П И Р О Ж Н И К Ъ .

Версалия.

Увидѣвши человека, спящаго съ корзинкою по другую сторону улицы въ Версалии, какъ будто онъ имѣетъ нѣчто продать, приказалъ я Лафлеру спросить у него, гдѣ домъ Графа В***?

Лафлеръ возвратился нѣсколько поблѣднѣвши, и сказалъ мнѣ, что это Chevalier de St. Louis (Кавалеръ Св. Людовика), и продаетъ пирожки. — Спашочное ли дѣло, Лафлеръ! сказалъ я. — Лафлеръ не могъ изъяснить эшаго дива сколько же, какъ и я, но онъ увѣрялъ, что это точно такъ — что онъ видѣлъ на немъ крестъ, оправленный золотомъ на красной лентѣ въ пеплицѣ — заглядывалъ въ кор-

зинку, и видѣлъ пирожки, копорые продаешъ Кавалеръ; слѣдственно не лзя было ему обманушья. —

Такая превратность въ жизни человека возбуждаешъ какое-то лучшее чувство, нежели одно любопытство. Я нѣсколько минутъ не могъ на него наглядѣшья, сидя въ моей коляскѣ, и чѣмъ больше смотрѣлъ на его крестъ, на его корзинку, тѣмъ болѣе они врѣзались въ мои мысли. — Я вышелъ изъ коляски и подошелъ къ нему. —

Онъ былъ подпоясанъ чистымъ передникомъ изъ холста, копорой доставалъ ему за колѣни, и за поясъ на верху прикрывалъ грудь его до половины; сверху не множо ниже опорочки висѣлъ крестъ. Корзинка его съ пирожками была

закрыта чистою зашпательною салфешкою ; а другая такая же подошлана была внизу. Во всемъ видна была такая опрятность, такая чистота , что можнобъ пакупать его пирожки сколькожъ изъ аппетита, сколько изъ чувства. . .

Онъ не подносилъ ихъ никому, но ждалъ спокойно подъ угломъ Дворца прохожихъ , которые заходящъ купишь безъ приглашеній. —

Ему было около сорока осми лѣтъ; взгляду онъ постояннаго и нѣсколько близкаго къ важности. Этому я не удивился. —

Я подошелъ охотнѣе къ его корзинкѣ, нежели къ нему , и поднявши салфешку , взялъ въ руку пирожокъ; шунъ пресилъ его изъ-

яснѣе мнѣ наружность, которая на меня сколько подѣйствовала.

Онъ разсказалъ мнѣ въ короткихъ словахъ, что лучшее время своей жизни провелъ онъ въ службѣ, гдѣ проживъ небольшое имѣніе, получилъ онъ роту, а съ нею и крестъ; но какъ по заключеніи послѣдняго мира полкъ, въ которомъ онъ служилъ, расформированъ, и цѣлый корпусъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими полками остался безъ всякой провизіи, то онъ увидѣлъ себя въ пространномъ свѣтѣ безъ друзей, безъ копѣйки, и подлинно сказалъ онъ, безъ всего, кромѣ этого, (указывая при сихъ словахъ на свой крестъ)... Бѣдный Кавалеръ привелъ меня въ жалость и окончилъ шѣмъ, что я почувствовалъ къ нему уваженіе.

Король , сказалъ онъ , есть самой великодушный Государь ; но его великодушіе не можетъ помогать или награждать каждого ; и одно мое несчастіе то , что я въ числѣ такихъ . У меня есть жена , которую я люблю и которая дѣлаетъ *ratifserie* * , и я не посмѣваю въ шомъ безчестія , прибавилъ онъ , чтобы прокормить себя и ее симъ способомъ , — пока Провидѣніе доставитъ лучшей .

[Было бы несправедливо съ моей стороны лишить добрыхъ людей упоминенія не рассказавши , что случилось съ бѣднымъ Кавалеромъ Св. Людовика девять мѣсяцовъ спустя .

* Пирожное .

Видно , что онъ всегда оспанавливался у желѣзныхъ воротъ , кошорые ведутъ во Дворецъ ; что крестъ его привлекалъ взоры многихъ ; многіе дѣлали ему тѣ же вопросы , что и я ; онъ отвѣчалъ имъ то же , что и мнѣ , и все съ такою скромностію , съ такимъ благоразуміемъ , что это на конецъ дошло до Короля. Онъ узналъ , что Кавалеръ былъ храбрый Офицеръ , признанный во всей арміи за честнаго и добраго человека — уничтожилъ эшоу его шортъ и назначилъ ему пенсію по 500 ливровъ на годъ.

Существительный Путешеств.
стр. 148.

Какъ я разсказалъ для удовольствія Читателя эту повѣсть, то иуэкай же позволишь онѣ разсказать мнѣ другую для себя, но уиѣспа за сею; онѣ такъ много обьясняющъ одна другую, что кажешся жалко ихъ разлучать. —

Ш Н А Г А.

Когда цѣлыя области и царства имѣютъ періоды своего паденія, и чувствуютъ въ своихъ оборотахъ, что такое злополучіе и бѣдность: то за чѣмъ мнѣ останавливаться разсказывая причины постепеннаго упадка фамиліи д'Е** въ Брегани? Маркизъ д'Е** противоборствовалъ своей участи съ великою твердостью духа, желая еще показать свѣту нѣкоторыя слабыя оснанки того, чѣмъ его

предки были — однакожь ихъ нескромность сдѣлала и то не возможнымъ. У него оставалось только для удовлетворенія нуждъ въ самой глубокой неизвѣстности. Но у него было два сына, которые ожидали отъ него, чтобъ вывелъ ихъ въ свѣтъ — онъ полагалъ, что они это заслуживаютъ. И такъ испытывалъ свою шпату. — Она не могла проложитъ ему дороги. — Повышеніе сопряжено съ великими издержками; а простая бережливость не могла исправить его состоянія; — другаго приближца не оставалось, кромѣ торговли. —

Во всѣхъ провинціяхъ Франціи, кромѣ Бретани, такой поступокъ могъ бы совершенно испребишь самой корень древа любочестія;

но въ Бретани было еще средство, и онъ воспользовался симъ случаемъ. — Какъ скоро Шпашы собрались въ Реннъ, то Маркизь съ двумя своими сыновьями вошелъ въ собраніе, и претовалъ произвести въ дѣйство древнее право по законамъ сего Герцогства, которое хотя и рѣдко употреблялось, говоритъ онъ, но не меньше того сохраняло всю свою силу, — и снявъ шпагу свою съ боку — „возмите ее, сказалъ, и будьте вѣрными ея хранителями до тѣхъ поръ, пока лучшія обстоятельство и время приведутъ меня въ состояніе назадъ ее потребовать.”

Президентъ принялъ шпагу Маркизову. — Онъ подождалъ нѣсколько минушъ; посмѣрѣлъ, какъ клали ее въ архивъ его фамилии,

и удалился. — На другой день Маркизь со всѣмъ своимъ семействомъ отправился въ Маршенику, и чрезъ девятнадцать или двадцать лѣтъ пріобрѣтши богатство непрерывными трудами при хорошихъ успѣхахъ въ торговлѣ, и получивъ нѣкоторыя неожиданныя наслѣдства отъ удаленныхъ своихъ родственниковъ, онъ возвратился въ домъ, опять пошребовалъ своего благородства и его принадлежности. —

Такой удачной случай не могъ встрѣтиться ни съ какимъ путешественникомъ, кромѣ Чувствительнаго, чтобъ быть ему въ Реннѣ въ самую минушю сего торжественнаго прѣбыванія — Я называю его торжественнымъ — оно было шаково для меня. —

Маркизъ вошелъ въ собраніе со всею фамиліею. Онъ велъ свою жену, старшій сынъ сестру, а младшій шелъ на другой сторонѣ ряду возлѣ своей матери. — Дважды прикладывалъ онъ плашокъ свой къ лицу. —

Было глубокое молчаніе. Маркизъ, подошедъ на шесть шаговъ къ Трибуналу, оставилъ жену свою младшему сыну, самъ выступилъ три шага впередъ и требовалъ своей шпаги. Шпага была ему возвращена — и въ ту минуту, какъ взялъ онъ ее въ руки, вынулъ изъ ноженъ — это было свѣтлое лице друга — съ которымъ не думалъ онъ уже больше видѣться. — Онъ осматривалъ ее: сперва началъ съ ефеса, какъ будто удостовѣрясь, та ли она самая, и примѣшивъ ржавчину на концѣ, поднесъ ее

близко къ глазу и наклонилъ голову. Мнѣ казалось слеза канула на самое то мѣсто; да и не могъ обмануться, попому что за симъ послѣдовало: „я найду другое средство ее считатьъ” сказалъ онъ. —

При сихъ словахъ Маркизъ вложилъ шпагу въ ножны, поклонился пѣмъ, которые сохранили ее, и съ своею супругою, съ дочерью и двумя сыновьями, за нимъ послѣдовавшими, онъ вышелъ. — Ахъ! какъ завидовалъ я его чувствованіямъ!

Существительный Путешеств.
стр. 153.

У Ж И Н Ъ.

— Только, что мы начали было взвѣзжашь на гору Тавриру * какъ подкова изъ передней ноги у коренной нашей лошади оторвалась. Ямщикъ всмалъ, выдернулъ ее, и положилъ въ карманъ. Надобно было карапкаться вверхъ миль съ пять или шесть, (миля 5 и 6 верстъ), а лошадь была самая надежная, по и говорилъ я, что ъ подкову какъ нибудь приколошинь; но ямщикъ кинулъ гвозди, и молотокъ. спряшанный въ коляскѣ безъ нихъ былъ не надобенъ. И такъ я согласился ѣхашь далѣе.

Мы не пробѣхали еще полмили выше — бѣдняжка попала ногою

* Одна изъ Швейцарскихъ горъ.

на камень въ самой дурной доро-
гѣ — и вторая подкова изъ дру-
гой передней ноги свалилась. То-
гда я вылезъ добрымъ порядкомъ
изъ коляски — и видя, что дѣло
не на шутку — посмотрѣлъ кру-
гомъ — и по лѣвую руку не въ даль-
немъ разстояніи примѣшилъ жижи-
ну. Съ великимъ неудовольствіемъ,
сказалъ я ямщику повернитесь къ
ней. — Стоило только взглянуть
на домикъ, на всю окружность,
чтобъ примириться съ своимъ го-
ремъ. Это была не большая мыза,
вокругъ конюрой насажены были
виноградники почти на двадцати
десятинахъ, и на столько же ро-
сла рожь на нивѣ — а возлѣ дому
по одну сторону былъ огородъ въ
полдесятины, наполненный всѣмъ
шѣмъ, что можешь сослѣвить

довольство Французскаго крестьянина по другую была рощица, копорая доставляла дрова для кухни.

Почти было восемь часовъ вечера — когда я пришелъ къ дому — И такъ я оставилъ на попеченіе ямщика исправить свое дѣло, какъ онъ можетъ — а мое было то, чтобъ поскорѣе добратся въ комнату. —

Я нашелъ семейство, состоящее изъ сѣдаго старика, изъ его жены, изъ пяти или шести сыновей, зятевъ, ихъ супругъ — и веселаго поколѣнія отъ ихъ плода произшедшаго.

Всѣ они сидѣли за своимъ чечевичнымъ супомъ. Посреди стола лежалъ большой пшеничной хлѣбъ. Фляжки вина, поставленные по концамъ, общали компаніи веселье:

во всѣхъ перемѣнахъ стола — это было прямая пирушка любви. —

Старикъ всталъ и меня встрѣтилъ ; съ почтительнымъ добросердечіемъ приглашалъ онъ меня сѣсть за столъ — Сердце мое поначасъ усѣлось, какъ только я вошелъ въ горницу, — и такъ безъ обыкновенъ — сѣлъ я между ними, какъ сынъ той же семьи, и дабы поскорѣе принять на себя характеръ такого достоинства — я попросилъ ножикъ у старика — потомъ взялъ хлѣбъ, и опрѣзалъ себѣ отъ него порядочный ломоть. Глаза моихъ сосѣдей доказывали явно, сколько они рады были, что я зашелъ къ нимъ въ гости, и казалось, благодарили, что я въ шомъ не сомнѣвался.

То ли это было — или, что другое, скажи мнѣ природа, отъ чего такъ вкуснымъ хлѣбъ сей мнѣ казался — и какому очарованію одолженъ я былъ за то, что рюмка вина, которую выпилъ я изъ ихъ фляги, была столько сладостна, что я чувствую ее, кажущаяся, и до сѣхъ поръ еще въ устахъ моихъ? —

— Ужинъ очень мнѣ нравился, но благодарственная молитва послѣ и еще больше. —

М О Л И Т В А.

Когда вспали изъ за ужина старикъ посмучалъ черенкомъ своего ножа обѣ сполъ и велѣлъ приготовишься къ пляскѣ. — Какъ скоро сигналъ данъ былъ — женщины и дѣвушки побѣжали въ другую горницу убраться свои волосы — а молодцы пошли на дворъ умыть лице и перемѣнить башмаки * (fabols), и въ при мига всѣ собрались на маленькую (esplanade) полянку передъ домомъ и были готовы. Старичокъ и съ старушкою вышли послѣ всѣхъ и посадивши меня между собою, сѣли на деревяной скамьѣ у порога. —

* Деревянные, которые употребляются во Франціи у крестьянъ и прочихъ.

Старикъ за пятьдесятъ лѣтъ до
 его можешь быть хорошо игралъ
 на рыхлѣ — и даже въ шенерешнѣе
 его лѣтъ музыка его еще годи-
 лась про сей случай. Смарушка под-
 пѣвала ему цѣсенку, которою онъ
 игралъ — переставала пѣть — по-
 томъ опять аккомпанировала ему —
 а между шѣмъ ихъ дѣти и внучки
 плясали передъ нами. —

Еще не проплясали они полови-
 ны втораго танца, какъ въ нѣко-
 торыхъ навзахъ * движенія, въ
 которыя они казалось, были совер-
 шенно обращены къ небу — мнилъ
 я зрѣть въ нихъ возвышеніе духа,
 различествующее отъ того, ко-
 торое бываетъ причиною или дѣй-

* Слово музыкальное, значить: пере-
 рывъ, молчаніе. ---

отвѣтъ просной радости — однимъ словомъ, мнѣ представилась религія, веселящаяся въ сихъ невинныхъ играхъ; но какъ я не видалъ ее никогда такимъ образомъ приглашенную (*engagée*), по я и долженъ былъ почестъ это за мечту моего воображенія, которое всегда меня соблазняетъ. — Шарикъ сказалъ мнѣ при окончаніи пляски, что шаконъ былъ всегдашній обычай въ его жизни; что онъ поставилъ себѣ долгомъ послѣ ужина собирать вокругъ себя свою семью, плясать и веселиться — думая, приговаривалъ онъ, что сердце веселое и довольное своимъ состояніемъ, есть наилучшая благодарственная молитва для неграмотнаго крестьянина. — А почему

же, прибавилъ я, не шакова же
могла бы бышь молишва и для
учонаго Прелата? — —

Сувствительный Путешесте.
стр. 227.

С О О Б Щ Е С Т В О .

Не взирая на то, что всѣ мы читаемъ книги, въ которыхъ безъ сомнѣнія, сказано много добраго о пріятности уединенія и проч... Все однакожъ *не добро быти теловѣку единому*. Какими бы словами хладнокровный Педантъ ни поражалъ слухъ нашъ по сей матеріи — онъ не дастъ удовлетворительнаго уму отвѣта. — Въ самомъ высокомъ градусѣ всѣхъ самохвальствъ философіи природа ощущаетъ нѣчто къ обществу и дружбѣ — доброе сердце ищетъ предметъ, къ которому бы могло оно прилѣпиться — и лучшая часть крови нашей — лучшіе жизненные спирты — спрдаются много отъ пустыни душевной.

Пускай монахъ обращаетъ взоры свои къ небу — ищетъ блаженства въ одиночестве своемъ — Богъ съ нимъ! — но что касается до меня, я сомниваюсь, чтобъ нашелъ я мое блаженство такою дорогою. — Я буду мудръ и благочестивъ — но всегда человекъ, чувствующій свою природу — и куда бы Провидѣніе ни завело меня — какимъ бы путемъ ни спремился я къ обители неба — молилъ бы только о томъ его, чтобъ оно даровало мнѣ товарища въ странствованіи моемъ, хотя бы для того только — чтобъ съ нимъ вмѣстѣ видѣть продолжавшіяся тѣни при закатѣ солнца — чтобъ было кому сказать, какая прохлада на лицѣ природы! — сколь пріятны цвѣты на лугахъ сихъ? — какъ сладки плоды древесные? —

Пропов. 18. стр. 6

В О С К Р Е С Е Н Ь Е .

— — Было Воскресенье — и когда Лафлеръ вошелъ ко мнѣ по упру щегольски разряженный и принесъ кофе , хлѣбъ и масло, по я насилу узналъ его.

Я условился съ нимъ еще въ Монпріуль , чтобъ подарить ему новую шляпу съ серебряною пуговкою и снуркомъ и четыре луйдора pour s'adonifer (чтобъ принарядишься) когда мы прїбдемъ въ Парижъ — и мой малой, къ чеспи его сказать , наспроилъ дива съ ними.

Онъ купилъ себѣ хорошій, чиспый алой кафшанъ , и къ нему шакого жъ цвѣшу исподнее плашье — Тушь нѣшъ ни на одинъ ефимокъ убышку — для носки молвилъ онъ. Я бы его повѣсилъ за эшо слово —

Плашье казался новинькое — и хоня думалъ я, что этому нельзя было спашья — однакожъ — однакожъ лучше хотѣлъ переувѣришь свои мысли, и думать, что я купилъ ему плашье новое, нежели щипать его принесеннымъ изъ вешошнаго ряду. — (Rue de friperie) — Это такая разборчивость (въ плашѣ), отъ которой не пошнися сердцу въ Парижѣ, (п. е. нося старое плашье думаяшъ, что оно новое).

Онъ досталъ сверхъ того порядочной камзолъ, довольно хорошо вышитый по голубому апласу. — Немножко правда былъ онъ поношенной — однакожъ весьма чисто вычищенный — золото было подкрашено — и во всемъ находилось больше показнаго, нежели

другова чего — а какъ голубой цвѣтъ былъ не самой густой, то онъ очень хорошо шелъ къ цвѣту плашья; — изъ этихъ же денегъ выгодалъ онъ себѣ новый кошелѣкъ на волоса и солиперѣ, и выпросилъ у купца въ томъ же цѣпѣ пару золотыхъ шлифѣ; кромѣ того купилъ себѣ за чепыре ливра собственныхъ денегъ кисейные манжеты, *bien bordées* — (хорошо обрубленные) — и бѣлые шелковые чулки за пять ливровъ своихъ же: — а сверхъ всего этого, напура наградила его прекрасною фигурею, которая не стоила ему ни одной копѣйки. — Разрядившись такъ, вошелъ онъ въ мою спальню. Волосы его были причосаны по послѣднему вкусу — пучекъ цвѣтовъ припиленъ къ груди — словомъ все глядѣло на немъ са-

мымъ веселымъ праздничнымъ видомъ, которой потчасъ напомнилъ мнѣ, что у насъ было Воскресенье — а сложивши и по и другое — я догадался шужь минушу, за чемъ Лафлеръ просилъ меня еще вчерась, чшобъ я позволилъ ему провести эшотъ день такъ, какъ и всѣ люди почти въ Парижѣ его провождаютъ. — Едва успѣлъ я здѣлать заключеніе, какъ мой Лафлеръ сталъ меня просить съ великою униженностію, однакожъ съ такимъ взглядомъ довѣренности, какъ будто бы я ему отказать не могъ — чшобъ я уволилъ его на эшотъ день pour faire le galant vis à vis de sa maitraiffe (чшобъ поцеголяшь передъ своею любовницею). —

Точно то же и мнѣ хопѣлось здѣлать vis à vis Madame de R. . .

(передъ Госпожею Р.). — Я велѣлъ нарочно для этого нанять карешу (remise) и моему щеславію не было бы прошивно поставитъ назади лакея, такъ ловко одѣшаго: — словомъ въ эту пору наименьше могъ я безъ него обойтись —

Но въ такихъ завязчивыхъ случаяхъ не умствовать должно — а *чувствовать по себѣ*. — Слуги и служанки въ условіяхъ своихъ прощающа съ свободою, а не съ напурою — *они суть также плоть и кровь* — имѣютъ свои маленькія щеславія, и свои желанія въ самомъ рабочемъ домѣ — какъ и у Господъ ихъ. — Конечно, они продали за деньги свое послушаніе — и пребываніи ихъ бывають иногда такъ не у мѣсна, что я часто хотѣлъ бы имъ отказать —

однакожь предсхавлю себѣ, что
эшо совершенно въ моей власти,
— и не умѣю. —

И одно эшо: *виждь* — *виждь*
яко рабѣ твой есмь азѣ (подумай,
что я швой слуга —) обезоружи-
ваетъ меня опѣ всей власти Гос-
подина. — Поди Лафлерѣ, сказалъ я.

— Да какую же ты подцѣпилъ
себѣ голубушку, Лафлерѣ, молвилъ
я, въ шакое короткое время въ Па-
рижѣ? Онѣ положилъ руку на грудь
и сказалъ миѣ, что эшо *Petite de-
moiselle* (дѣвушка) *de Monsieur le
Comte de В**** (Графа Б.) — Лаф-
лерѣ имѣлъ сердце сошворенное для
общества — и правду машку ска-
зашь обѣ немѣ — шакже мало упус-
калъ случай, какѣ и Баринѣ его —
шо ешь кое — какѣ — сякѣ или
шакѣ — а какѣ — Богѣ вѣсшь — по-

знакомился онъ съ этою дѣвушкою на поворотѣ лѣспницы, пока я ходилъ за моимъ пашпортомъ; и какъ я имѣлъ довольно времени склонить Графа къ моей пользѣ, то и Лафлеръ не терялъ его даромъ — Онъ взялъ свой пашпортъ къ сердцу красавицы. — ~~Но видимоу, Графъ~~ съ фамиліею сей день оставался въ Парижѣ, и онъ пригласилъ дѣвушку и еще двухъ подругъ изъ Графскаго дому гулять по булеварамъ.

Щастливый народъ! — ты по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю вѣрно можешь скинуть бремя заботъ своихъ — поешь — пляшешь и забываешь свое горе, не такъ какъ другіе народы!

Сувствительный Путешеств.
стр. 190.

П У Л Ъ С Ъ.

П а р и ж ъ.

— Привѣтствую васъ маленькія пріяшныя вѣжливости вѣ жизни; ибо вы пушь ея дѣлаете гладкимъ! Подобно прелести и красоти, которыя при первомъ взглядѣ возраждающъ вѣ сердцѣ склонности любви, вы однѣ отверзаете дверь и впускаете незнакомца! —

— Пожалуйте скажите мнѣ, сударыня, спросилъ я, вѣ которую сторону поворошить мнѣ чтобъ пройши къ театру (на комическую Оперу) — Съ великою охотою, государь мой, отвѣчала она, положивъ свое рукодѣлье. —

Я заглядывалъ идучи, болѣе нежели вѣ полдюжины лавокъ сряду, желая найши такое лицо, кото-

рое не наморщилось бы отъ такой помѣхи, пока наконецъ это лицо пришлѣсь по моимъ мыслямъ — и я вошелъ. —

Она шила пару манжетъ, сидя на скамейкѣ въ углу своей лавки прямо противъ дверей. —

— *Très volontiers*; (съ великою охотою), сударь, отвѣчала она положивши свою работу на спулъ возлѣ себя, и вспавши съ скамейки на кошорой сидѣла, съ такимъ пріятнымъ движеніемъ, съ такимъ ласковымъ взглядомъ, что ежели бы купилъ въ ея лавкѣ на пятьдесятъ луидоровъ, то и тогда бы сказалъ: „эта женщина признапельна!“ —

Вы должны, сударь, сказала она идучи со мною къ дверямъ лавки, указывая пальцомъ вдоль улицы

по которой надобно мнѣ ийти—
 вы должны поворошить сперва на
 лѣво — *mais prenez garde* — (но
 смотрише), тамъ будетъ два по-
 вороша : по вы извольше пойми
 другимъ ; потомъ прошедши нѣ-
 сколько далѣе — тамъ увидите
 церковь ; миновавъ ее , потчасъ
 возьмице трудъ поворошить на пра-
 во — и вы дойдите до самаго мо-
 сту (*pont neuf*) ; его должно вамъ
 перейти , а тамъ всякой вамъ съ
 удовольствіемъ укажетъ. — —

Три раза повторила она мнѣ
 свои наставленія — и въ претей
 разъ все съ такимъ добродушнымъ
 шербніемъ , какъ и въ первой , и
 ежели тонъ и мины (*tones and man-
 ners*) имѣютъ свой смыслъ , какъ
 и подлинно имѣютъ , да только не
 для сердецъ , которыя пропускаютъ

его мимо — то она казалось и въ самомъ дѣлѣ заботилась, чшобъ я не заблудился. — ~

Я не хочу предполагать, чшобъ отъ красоты этой женщины, хотя признаюсь, она была самая пригожая мѣщанка, какую я только видѣлъ, — чшобъ отъ красоты, говорю, возбуждены во мнѣ такія мысли объ ея вѣжливости; помню только, что сказавъ ей сколько много я обязанъ — я посмотрѣлъ очень пристально ей въ глаза — и повторилъ ей мою благодарность сколько разъ, сколько она мнѣ прежде свои наставленія,

Я не прошелъ еще десяти шаговъ отъ ея дверей, какъ она напомался, что я все забылъ, что она мнѣ ни полковала — Оглянувшись назадъ, и видя, что она —

еще стоимъ у дверей своей лавки, какъ будто присмаширивая, поюль я дорогою пойду или нѣшъ — я во рошился спросить у нее ояшь, куда сперва поворочить мнѣ, на право или на лѣво — пошому, что у меня это совершенно вышло изъ памяти. —

— Возможно ли! молвила она почти разсмѣявшись. — Очень возможно, опвѣчалъ я, когда человекъ больше задумается объ женщинѣ, нежели объ ея наставленіяхъ.

Какъ это была дѣйствительная правда, но она приняла ее, какъ всякая женщина принимаетъ чтонибудь справедливое, съ маленькимъ поклономъ.

— Attendez! (поспайте!) сказала она пронувши меня за рукавъ

чтобъ удержашь, между шѣмъ какъ позвала мальчика изъ магазина позади ея лавки, чтобъ онъ пошчасъ приг^отовилъ связку перчашокъ — Я только хотѣла послать его съ перчатками туда же, куда вамъ ийти, и ежели вамъ угодно посидѣшь у меня, онъ будетъ готовъ сію минушу и проводитъ васъ до мѣста. — Такимъ образомъ вошелъ я съ нею въ лавку и взялъ манжешу, которую она положила на стулъ, будто бы хочу сѣсть — Она сѣла на своей скамейкѣ, и я немедленно возлѣ нее на стулъ. —

— Онъ будетъ готовъ въ одну минушу, сударь! молвила она. — А въ эту минушу желалъ бы я охотно сказать вамъ чтонибудь самое пріятное за всѣ

такія ласки. Всякой можешь показань случайно онышь доброты; но продолженіе доказываешь, что это ужь происходитъ отъ прямого добросердечія. — И подлинно, примолвилъ я, ежели та же кровь, кошорая идетъ отъ сердца, бьется и въ этихъ вашихъ жилахъ, (шупъ пронулъ я ее за руку), то я увѣренъ, что у васъ долженъ бытъ самой лучшей пульсѣ изъ всѣхъ женщинъ въ свѣтѣ. —

— Посмотрите-ка, сказала она, просянувъ ко мнѣ руку. — Положивъ шляпу, взялъ я ее за пальцы одною рукою, а свои два переднія пальца другой руки приложилъ къ пульсу. —

— Небо! — естлибъ мой любезный Евгений! — ты прошелъ въ сію минушу мимо лавки и уви-

дѣлъ меня, какъ я сижу въ моей праздничной формѣ, въ черномъ плащѣ, и считаю каждое бѣненіе пульса съ такимъ вниманіемъ, какъ будто бы ожидалъ прекращенія параксизма въ ея лихорадкѣ — сколько бы ты смѣялся, сколькобъ разсуждалъ о новомъ моемъ промыслѣ! — и ты бы могъ смѣяться и разсуждать, сколько тебѣ угодно — Вѣрь, мнѣ любезный Евгений, сказалъ бы я тебѣ, есть еще гораздо хуже упражненія въ свѣпѣ *нежели считать пульсъ у женщины.*

— Но у мѣщанки! . . . отвѣчалъ бы ты, и въ опкрытой лавкѣ! Юрикѣ — — Тѣмъ лучше Евгений! — ежели намѣренія мои праводушны, я нимало не забочусь, когда бы и цѣлой свѣпѣ видѣлъ, что я считалъ пульсъ. . . .

М У Ж Ъ.

П а р и ж ъ.

Я насчиталъ дванцать пульсовъ, и добирался почти до сорока, какъ мужъ ея неожиданно вышелъ изъ задней горницы — это не множко замѣшало меня въ счепу. Нѣшъ ничего, отвѣчала она — это мой мужъ! — И такъ началъ я сѣзнава. Эпощъ Баринъ, сказала она, идучи мимо лавки поспрудился зайши посмошрѣшь мой пульсъ — Мужъ снявши шляпу мнѣ поклонился — и сказалъ, что я дѣлаю ему много чести, и при словѣ опять надѣлъ шляпу и вышелъ вонъ. . . .

Боже мой! думалъ я, самъ въ себѣ когда онъ вышелъ, не уже ли это ея мужъ?

Пускай не мучитъ это тѣхъ не многихъ, которые знаютъ причину такого восклицанія, ежели я изъясню ее тѣмъ, которые не знаютъ.

Въ Лондонѣ лавочникъ кажется одно тѣло и душа съ своею женою. Въ различныхъ дарахъ ума и тѣла иногда одинъ, иногда другой имѣетъ ихъ такимъ образомъ, что чрезъ общее и равное сношеніе обѣихъ, они столько близки другъ къ другу, сколько обыкновенно бываешь мужъ къ женѣ. —

Въ Парижѣ едва ли найдутся два рода существъ столько различныхъ между собою. — Ибо какъ права законодательное и исполнительное лавки не принадлежатъ мужу, то онъ рѣдко въ ней бываешь. Сидитъ себѣ въ темномъ

углу за сѣбною безъ всякаго поргу въ своемъ колпакѣ — съ такою же грубостію сына природы, какъ природа его создала. —

Духъ* такого народа, гдѣ все кромѣ самодержавія, неисключительно женскому полу** уступивши совершенно сію честь со многими другими однимъ женщинамъ чрезъ непрерывное кругообращеніе модъ всякаго рода и всякаго званія отъ утра до вечера, здѣлался подобенъ одному изъ пѣхъ грубыхъ кремней, которые брошены будучи въ одинъ мѣшокъ, отъ часнаго

* Genius of a people — это-то самое понимаемъ мы чрезъ слово народное *умствование*. смотр. Наказъ.

** La Loi salique. —

и легкаго шренія попереяюшъ не только всю свою шероховатость и неправильность оспрыхъ угловъ, но даже округляшся, а нѣкоторыя получаютъ полировку бриліанша. —

Mr. le' maré — (муженекъ) право нѣсколько глаже камня, чпо на мосшовой! —

— Точно — шочно человекъ! — вы не сотворенъ для одиначества въ мірѣ — вы созданъ для обращенія въ обществѣ, и для шой обходительности съ ближними, которая улучшаетъ наши нравы. Свидѣтельствуюсь собственнымъ примѣромъ!

— Какъ же онъ бѣтсся, Monsieur, (сударь)? спросила она меня. — Со всею кропкою и доброю ласковостію — сказалъ я, смотря спокойно въ ея глаза, которой я

ожидаль — (встрѣчи съ моими)
— Она хошѣла что-то отвѣчать
взаимно — но мальчикъ съ перчаш-
ками вошелъ въ лавку — à propos,
сказаль я, мнѣ и самому надобна
пара перчашокъ. —

П Е Р Ч А Т К И.

П а р и ж ъ.

Прекрасная лавошница вспала, зашла за сполъ , вынула связку перчатокъ и разложила ихъ передо мною. Я зашолъ съ другой спорны напротивъ ея — онѣ всѣ были очень широки — красавица примѣривала ихъ по порядку на мою руку. — но мѣра все была та же — Наконецъ просила она примѣрить послѣднюю пару, которая всѣхъ казалась поуже — она держала ее открывши — рука моя вошла вся, какъ разъ — Негодишся, сказалъ я покачавши легонько голову. — Нѣтъ отвѣчала она, дѣлая по же.

Встрѣчающся иногда такіе взгляды — въ кошорыхъ странность и разсудокъ , важность и

дурачество такъ между собою сосредоточиваются, что ежели бы всѣ языки при смѣшеніи Вавилонскомъ заговорили, они бы не могли ихъ выразить — Взгляды сіи такъ скоропостижно сообщаются и принимаются, что едва можно сказать кно на кого дѣйствуетъ.

Я оставляю всѣмъ слово-охотнымъ наполнять страницы сею матерією — но, на этотъ разъ довольно еще повторить, что перчатки не годились; и такъ мы оба, сложа руки подъ мышки облокотились на столъ — онъ былъ узокъ и только что оставалось между нами мѣсто для связки перчатокъ.—

Прекрасная торговка поглядывала на перчатки — потомъ стороною къ окошку, потомъ опять на перчатки — потомъ на меня—

Я небылъ расположенъ прерывать такое молчаніе — и слѣдовалъ ея примѣру — глядѣлъ на перчатки — пошомъ на окошко — пошомъ опять на перчатки пошомъ, — на нее — и шавъ по перемѣнкамъ.

Но я примѣшилъ, что много проигрывалъ при каждой атакѣ — Ея черной пронзительной глазъ, сквозь долгія шелковистыя рѣсницы проходилъ до глубины моего сердца; онъ поражалъ меня; я покажусь иному страннымъ, но я чувствовалъ по крайней мѣрѣ, что это такъ было. —

Нѣтъ нужды, сказалъ я взявши двѣ пары перчатокъ кошорые лежали возлѣ меня, и спрячалъ ихъ въ карманъ.

Я былъ увѣренъ, что прекрасная перчаточница не попросила

бы у меня больше одного ливра сверхъ цѣны! . . . И я даже хотѣла, чтобъ она запросила больше цѣлымъ ливромъ. — Я недоумѣвала, какъ бы съ этимъ сладить — Думаете ли вы, милой мой Баринъ! сказала она, принимая въ другую сторону мое замѣшательство, чтобъ я могла взять лишнюю копѣйку съ чужестранца, которой по одному учтивству, а не по надобности въ перчаткахъ дѣлаетъ мнѣ честь полагаясь на мой запросъ. *m'en croyez vous saraible?** Нѣтъ, по чести — да ежелибъ и такъ, я бы

* Думаете ли вы, чтобъ я могла это дѣлать. —

Все Французскія слова, употребленныя здѣсь, пославлены въ шѣхъ же мѣсцахъ, какъ и въ подлинникѣ.

съ радостію заплашилъ. — Послѣ сего перецѣпавъ деньги на ея ладонѣ, я поклонился ниже, нежели обыкновенно кланяются торговкѣ, а мальчикъ пошелъ за мною съ связкою.

Сувствительный Путешеств.
стр. 95.

Ч У В С Т В О В А Н І Е

Къ ближнему.

По природѣ сродно принимаешь участіе во всякомъ приключеніи случившемся съ ближнимъ нашимъ, не взирая на причину, произведшую оное; но въ такихъ злоключеніяхъ, въ которыя впадаетъ чело-вѣкъ по одному несчастію, и за что не лзя упрекнуть ни погрѣш-ностью, ни неоспорожностью съ его стороны, есть нѣчто столь истинно пристращающее насъ, что мы при первомъ взглядѣ считае-мъ это за свое собственное, совсѣмъ не по размышленію, ко-торое было или бышь могло — но всегда по нѣкоторому велико-душію или нѣжности натуральной, которая настраиваетъ насъ къ со-

страданію, опвлеченному опѣ всякаго личнаго иншереса: такимѣ образомѣ , что безѣ всякаго замѣчательнаго дѣйствія воли, мы страдаемѣ вмѣстѣ съ несчастливцемѣ , чувствуемѣ тягосшь на душѣ нашей не зная сами опѣ чего при воззрѣніи на самые обыкновенные случаи ихѣ несчастія. Но гдѣ зрѣлище дѣлается чрезмѣрно прагмическо (печально) и гдѣ обстоятельство несчастливыхѣ слишкомѣ запушаны — тамѣ разумѣ вдругѣ спановишся невольникомѣ — и ешьли бы онѣ и покушался на прошивное, то онѣ не имѣеишь духу прошивишься, но уступаемѣ силѣ нѣжныхѣ чувствованій жалоси и глубокаго соучастія, шакѣ, что буде кто разсуждаемѣ о сей часши доброжелательства, врож-

деннаго намъ, не умспвуя далѣе, — онъ подумаетъ, что не возможно человѣку смотря на злополучіе не бышь нѣкопорымъ образомъ привязану къ интересу того, который оное терпитъ — я говорю, иной подумаетъ это не возможнымъ — попому что есть нѣкоторыя души — какъ описать ихъ? — души, сотворенныя изъ такой непроницаемой матеріи, написанныя привычнымъ имъ самозанятіемъ до поль совершенной нечувствительности ко всѣмъ нещасіямъ ближняго своего, что онъ кажутся не суть болѣе чада одной напуры, и что судьба не соединила ихъ никакъ съ ихъ родомъ. —

Проповѣдь 3^я стр. 43.

М О Н А Х Ъ.

К а л е.

Бѣдный монахъ ордена Святаго Франциска вошелъ въ комнату попросишь подавнiя на свой монастырь.

— Никто не щипаетъ своей добродѣтели прихотью случайно-спей — потому что иной чело-вѣкъ могъ бы быть щедролубивъ, потому же самому, почему иной си-ленъ — Sed non quo ad hanc — (но не о томъ). Ну какъ бы по ни было — не возможно правильно судить о приливѣ и отливѣ поло-женiй духа нашего (humour); они могутъ зависѣть отъ тѣхъ же причинъ, сколько я знаю, какъ и самые приливы моря — Не худо бы намъ часто такъ думать; по

крайней мѣрѣ за себя я опвѣчаю, что во многихъ случаяхъ гораздо бы былъ я довольнѣе, ежели бы люди про меня сказали: „что онъ находишься въ сношеніи съ луною, въ кошоромъ нѣтъ ни стыда, ни грѣха” — нежели говорили бы, что мои собственныя дѣла и поступки, въ кошорыхъ такъ много и того и другаго, зависятъ единственно отъ меня. — — Ну, какъ бы то ни было, въ ту минушу, какъ я взглянулъ на него — я рѣшился не дать ему ни копѣйки — и пощому спряпалъ свой кошелекъ въ карманъ — заспегнулъ сверху пуговицами — нѣсколько повыпрямился на своемъ пѣдесталѣ (центрѣ) — и подошелъ къ нему съ важнымъ видомъ — Боюсь, не было ли у меня въ фізіономіи чего ни-

будь угрюмаго; въ сію минушу стоялъ онъ прямо предъ моими глазами, и въ немъ было нѣчто такое, которое заслуживало отъ меня лучшаго привѣтствія. —

Монахъ, какъ судилъ я по округлости его шѣмя, по клочкамъ бѣлыхъ волосъ на вискахъ, которые только и оспѣлись — могъ быть лѣтъ семидесяти — но изъ очей его, изъ этой живости ихъ, которую больше чинность, нежели старость умѣривала, нельзя подумать, чтобъ ему было больше шестидесяти — настоящее будетъ середина — вѣрно ему было шестидесятъ пять; и не смотря на его морщины, которые казались, прежде времени поселились въ его чертахъ — вообще самой

видѣ его и осанка согласовались съ щопомѣ.

Эта была одна изъ тѣхъ головъ, которыя часто изображалъ Гвидо — умильная, блѣдная — проницапельная — незанятая помыслами общенародными, пучнаго самимъ, собою довольнаго невѣжества пошупляющаго взоры долу — она простирала очи свои горѣ; она взирала, но такъ, какъ будто бы соглядала она нѣчто далѣе (предмешовѣ) міра сего. Какъ попала она на плеча монаху эшаго ордена — одна природа, кошорая ее приспавила, лучше то знаетъ; но это такая голова, кошорая бы очень приспала къ Брамину, и ежели бы я встрѣшился съ нею въ странахъ Индоспана — я бы ей поклонился.

Прочее въ его абрисѣ можетъ быть легко окончено нѣсколькими шприхами (чертами) — всякой можетъ опдаться въ семъ случаѣ въ руки другому свой рисунокъ — потому что шупъ не было ни наряднаго, ни дурнаго чего, кромѣ что характеръ и выраженіе ему придали; онъ былъ тонкой сухощавой мужчина — немножко выше обыкновеннаго, средняго рослу, ежели эа разница не терялась опъ того, что онъ нагбался; но это было положеніе просишеля, и какъ онъ представляется нынѣ моему воображенію — онъ, казалось, еще болѣе выигрывалъ — нежели терялъ въ сей позитурѣ.

Прошедши опъ порога, три шага, онъ остановимся, и положивши шуйцу свою на грудь (въ пра-

вой у него была бѣлая палочка, съ которою онъ ходилъ) — когда я близко подошелъ къ нему, онъ началъ рекомендацію свою изъясненіемъ бѣднаго положенія своего монастыря и крайней нищеты ихъ ордена — и рассказывалъ мнѣ съ столь простою пріятностію — съ такимъ убѣдительнымъ видомъ прозбы изображенныя въ его взорахъ, въ его фигурѣ — что правдо. . . . я былъ очарованъ, когда этимъ не пронулся. —

Главнѣйшая причина всему этому та, что я рѣшился не дать ему ни копѣйки. —

— Все правда, молвилъ я ошибая на его усуремленные взоры къ небу, которыми заключилъ онъ рѣчь свою, совершенная правда — и Богъ дастъ шѣмъ людямъ, кошо-

рые принуждены просить милосшыни по міру; но я сумнѣваюсь, чшобѣ всего запасу его достало удовлетворишь множеству воніющихъ и спужающихъ намѣ безпреснанно.

Какѣ скоро произнесѣ я слово вопіющихъ, шо взоры его быстрымѣ мелькомѣ склонились на рукавѣ его рясы (шунки) — Я почувствовалѣ всю силу возраженія — Я очень согласенѣ сѣ вами, сказалѣ я, что жесткая и толстая ряса, и ша на три года одна, сѣ такимѣ сухояденіемѣ — не весьма выгодная жизнь; но вотѣ что больно, что это все можно достать вѣ мѣрѣ за самую малую работу или издѣлье, за кошороѣ бы и должно вашему ордену приняться — а не опшнмать бѣдной доли подаяннѣ у калеки, спараго и немощнаго —

колодникъ , который валяется въ
 шорьмъ , щипаетъ и перещипыва-
 етъ дни горестей своихъ — какъ
 же потребуешь крохъ его — (пода-
 нія) — и признаюсь вамъ , ежели
 бы вы были ордена Милосердія ,
 (которые изыскивали несчастныхъ
 и имъ помогали), а не Св. Франци-
 ска , то какъ я ни бѣденъ , про-
 должалъ я указывая на свой че-
 моданъ , съ полнымъ удовольстві-
 емъ расшуровалъ бы я его для
 искупленія какого нибудь неща-
 сливца — Монахъ отвѣсилъ мнѣ
 поклонъ — Но прежде всѣхъ дру-
 гихъ , заключилъ я , несчастливый
 соопчичъ конечно имѣетъ на се-
 первое право ; а я тысячи злопо-
 лучныхъ людей оставилъ на роди-
 номъ моемъ берегу — Монахъ паки
 заблалъ мнѣ почтительное укла-

неніе головою — которое сполько же значило, какъ бы онъ мнѣ сказалъ: безъ сомнѣнія, есть много бѣдныхъ во всякой странѣ свѣта: также, какъ и въ нашемъ монастырѣ — Но мы умѣемъ различать, сказалъ я, положивъ свою руку на рукавъ его рясы, какъ будто отвѣчая на его возраженіе — мы умѣемъ различать, благій опче! того человека, который *снѣсть хлѣбъ свой въ потъ лица*, и того, который питается на щотъ другихъ, не имѣя другаго плана въ виду, какъ только шашаться по міру съ своимъ нерадивымъ невѣжествомъ и просить милоспины *Христа ради*.

Бѣдной Францисканъ не отвѣчалъ ни слова; алось горячки пробѣжала по его щекамъ, но не

могла остановишься — природа, казалось, угасила въ немъ свою досаду; онъ не показалъ ни малѣйшей — бросилъ посохъ свой подъ мышку — прижалъ обѣ свои руки къ персямъ съ видомъ совершеннаго упованія на Господа и — вышелъ.

Сердце упрекнуло меня въ самую минушу, какъ онъ зашворилъ двери. Фу! молвилъ я прижды нерадивымъ видомъ — но это не помогло: каждое непріязненное слово, сказанная мною, возобновлялось въ моихъ мысляхъ — „Какое другое право, имѣлъ я, подумалъ я самъ въ себѣ, въ разсужденіи бѣднаго Франциска, кромѣ того, что могъ отказать ему — и это уже довольно великое наказаніе для чловѣка постыженнаго и безъ прибавленія обидныхъ словъ — я воображалъ

себѣ его сѣдые волосы — представляя его самага, какъ онѣ входилъ съ своею скромностію и весьма учтиво спрашиваетъ меня, какое онѣ нанесъ мнѣ неудовольствіе? — за что я такъ съ нимѣ поступилъ? — По чести! я бы далъ дванцать ливровъ, ежели бы кто за меня вступился и оправдалъ предъ нимѣ. — Чувствую, что я дурно, очень дурно поступилъ — мыслилъ я внутренно; но я начинаю только путешествовать — и постараюсь впередъ научиться обращаться съ людьми учтивѣе! —

Существительный Путешеств.
стр. 5.

М О Н А Х Ъ.

Добренькой старичекъ монахъ былъ въ шести шагахъ отъ насъ, какъ понятіе объ немъ вспало мнѣ на умъ — онъ подходилъ нѣсколько параболою (вкось) отъ прямой линіи, какъ будто сумнѣваясь, не помѣшаетъ ли онъ намъ своимъ приходомъ — онъ останоуился однакожь, какъ скоро поравнялся съ нами, молвилъ намъ ласковое слово — и держа въ рукѣ своей открывши роговую табакерку, поподчивалъ меня табакомъ — Понюхайше моего, сказалъ я, вынувши изъ кармана черепаховую свою табакерочку и опдалъ ему въ руки — Вашъ превосходный! отвѣчалъ монахъ. Ну, такъ здѣлайте жь мнѣ одолженіе, примолвилъ я, прими-

ше опѣ меня въ подарокъ табакерку и побакъ, и когда вы спанеше нюхашь изъ нее, вспомните иногда, что это была жертва примиренія съ тѣмъ человѣкомъ, который здѣлалъ противъ васъ невѣжливый поступокъ — но въ коемъ нимало не участвовало его сердце.

Бѣдной монахъ покраснѣлъ какъ алое сукно. Mon Dieu (помилуйте)! сказалъ онъ, сложивши обѣ ладони — вы никогда не были противъ меня невѣжливы. — И я тоже думаю, примолвила дама, — это ему не прилично. Я покраснѣлъ въ свой чередъ; но опѣ какихъ движеній? — оставляю свой анализъ не многимъ умѣющимъ чувствовать (разобрать) — Извините, сударыня, опѣчалъ я — я поступилъ съ нимъ

весьма неучтиво, и при томъ безъ всякаго поводу. Нельзя спашься, подхватила дама! — Боже мой! воскликнулъ монахъ съ горячноспью удостовѣренія, кошораго, казалось, въ немъ не было — виною былъ самъ я и мое нескромное усердіе. — Дама прошивурѣчила, и я приспалъ къ ея споронѣ, убѣждая монаха, сколько невѣрояшно, чшобъ такой осторожной умъ, какъ его, могъ кому-либо нанести неудовольствіе.

Я не воображалъ, чшобъ прошивурѣчіе могло приносить такое пріянное удовольствіе нервамъ, какое я тогда чувствовалъ. — Мы спояли молча, и не мучились никакимъ ощущеніемъ шой глупой шягосши, кошора вкрадывается въ промежки разговора въ какомъ

нибудь собраніи , когда одинъ на другаго смотряшъ по нѣскольку минушъ не говоря ни слова. Межъ тѣмъ какъ продолжалось молчаніе — монахъ поширалъ свою шобакерку объ рукавъ своей рясы , и какъ скоро получила она маленькой лоскв отъ иренія — онъ сдѣлалъ низкой поклонъ и сказалъ : „теперь уже поздно разсуждать, отъ добраго или худаго нрава нашего вошли мы' въ эту размолвку — пусть оспанешся сіе , какъ случилось — а теперь прошу васъ перемѣняшся шобакерками — При сихъ словахъ подалъ онъ мнѣ свою одною рукою , и взялъ мою изъ моихъ рукъ другою — попомъ поцѣловавши ее — съ самымъ живымъ добросердечіемъ, изображеннымъ въ глазахъ его, онъ поло-

жилъ ее за пазуху и — простился съ нами.

Съ тѣхъ поръ берегу я табакерку, какъ залогъ вѣры, которой напоминаешь уму моему поступать лучше; по истиннѣ рѣдко хожу я безъ нее, и часто призываю ласковый духъ смиреннаго ея хозяина, чшобъ управить моимъ духомъ въ прошивоборствахъ міра сего — они истощались надъ нимъ, какъ послѣ узналъ я изъ его повѣсти, даже до сорока пяти лѣтъ — въ которое время послѣ нѣкоторыхъ воинскихъ подвиговъ худо награжденных, онъ встрѣтился съ жестокою неудачею въ нѣжнѣйшихъ склонностяхъ — пошомъ разомъ бросилъ шпагу и красавицъ — и пошолъ въ священную обитель, кошорую не сполько онъ нашелъ

въ монастырѣ, сколько въ себѣ самомѣ. —

— Чувствую въ душѣ моей унылость, когда прибавляю къ моей повѣсти слѣдующее:

Когда въ послѣдній разѣ проѣзжалъ я черезъ Кале, по спрашивалъ нарочно объ опцѣ Лоренцо (такъ назывался монахъ) — мнѣ сказали, что онъ умеръ за три мѣсяца до сего и погребенъ не въ монастырѣ, но по его завѣщанію на маленькомъ кладбищѣ принадлежащемъ къ нему за двѣ мили отсюда. Мнѣ крайнѣ хотѣлось посмотрѣть гдѣ его положили — я сѣлъ у его могилы, вынулъ роговую его табакерку — сорвалъ одинъ или два стебелька крапивы, которая не должна была расти на ней — и все сіе такъ сильно

пробудило прискорбныя мои ощущенія, что я обливался слезами — но я шакъ слабъ какъ женщина; и я умоляю родъ чловѣческій не смѣяться, а жалѣть обо мнѣ. —

Сувствительный Путешество.
стр. 34.

КРАСНОРЪЧІЕ.

. Велико есть могущество краснорѣчія ; а особливо когда убѣждаетъ оно соединясь съ природою: тогда обвиненный похожъ на подишя , которое преступило свою должность , и паки обращается къ оной со слезами. —

Пропов. 20, стр. 101.

У Е Д И Н Е Н І Е.

Многолюдные города, и озабоченныя общества могутъ нравиться человѣку разсѣянному и веселому — но уединеніе питаешь душу мудреца.

Письмо 3^е къ его пріятелямъ.

М Е Ч Т А.

Пріяшная наклонность ума чело-
вѣческаго! съ какимъ жадостнымъ
забвеніемъ предаешься ты мечтамъ,
обольщающимъ скучныя минушы пе-
чали и ожиданія! минушы тяжкія!
— давно — давно исключили бы вы
меня изъ списка живыхъ, ежели бы
я большую часть васъ не прогули-
валъ на сей очарованной землѣ —
Когда моя дорога спановишся слиш-
комъ шероховата, — или черезъ
чуръ крута и мнѣ не въ мочь — я
оставляю ее — выбираю себѣ ка-
кую нибудь бархатную тропинку,
кошпорую воображеніе усѣяло роза-
ми ушѣхъ — и проходившись нѣ-
сколько по ней, возвращаюсь здоро-
вѣе и свѣжее — Когда горе одолѣ-
ваетъ меня, и нѣтъ болѣе мѣста
въ мирѣ семъ, куды бы опѣ него

скрыться — покидаю міръ сей — и
 какъ я имѣю яснѣйшее понятіе объ
 Елисейскихъ поляхъ, нежели о небѣ,
 всплываюсь туда, какъ второй
 Еней — вижу, какъ онъ встрѣчаетъ
 тѣнь своей злополучной Дидоны —
 какъ онъ желаетъ попривѣтство-
 ваться съ нею — вижу огорченную
 душу Царицы, помавающую главою
 и въ безмолвіи опвращающую лице
 свое. онъ виновника поруганія ея и
 бѣдствій — преобразую чувствован-
 нія мои въ ея чувствованія, и въ
 тѣ милыя пристрастія, которыя
 сохранялъ я къ ней въ печальномъ
 моемъ сердцѣ еще въ юные дни мо-
 его ученія. —

Чувствительный Путешествіе.
стр. 165.

ЖЕСТОКОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Посмотрите на сцену міра — какъ часто встрѣтите вы какую нибудь подлую шварь, которой сжатое сердце никогда не разверзлось къ раздѣленію печали съ огорченнымъ — примѣчайте, какъ такой человекъ кроется подъ личиною соспраданія, какъ онъ купается подъ облаченіями религіи, которыми только одни милоспивые и жалоспивые люди украшаются долженствуютъ! съ какою свяшопашскою миною достигаетъ онъ до конца дней своихъ — по той же дорогѣ самолюбленія (эгоизма) по которой онъ пошелъ съ начала — не поворачивая ни на правую руку, ни на лѣвую — но водворившись въ ней — вперяетъ очи свои долу чрезъ цѣлую

жизнь, какъ будто опасаясь взглянуть на небо, опасаясь можетъ быть не увидѣть чего нибудь такого, которое могло бы опдалить его хотя на минушу онъ этой прямой линіи, по коей интересъ его руководствуетъ — но ежели онъ и споткнется по случаю на какой нибудь лишенный надежды предметъ злополучія, которой угрожаетъ ему бѣдою — онъ благочестиво пройдетъ мимо его на другую сторону, кажется ввѣрить себѣ самому впечатлѣнія природы, или подвергнуть себя невыгодамъ, которыя въ случаѣ причинить можетъ соблазнованіе.

Проповѣдь 3^я стр. 46.

К О Н Е Ц Ъ
